

ВИКТОР
БУРЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЕЧНОЕ ПЛАМЯ

Виктор Бурцев

Вечное пламя

«Автор»

2009

Бурцев В.

Вечное пламя / В. Бурцев — «Автор», 2009

Первые, самые страшные недели Великой Отечественной войны. Немцы стремительно движутся на восток, отрезая от основных сил отдельные соединения Красной Армии и оставляя в тылу деморализованных солдат противника. Здесь, в партизанских белорусских лесах, оставшихся за линией фронта, происходят загадочные и страшные события, противоречащие историческому материализму. Похоже, фашистская Германия испытывает на оккупированных территориях новое чудовищное оружие, поднимающее мертвых и наделяющее их невероятной силой и кровожадностью... Правду предстоит выяснить попавшему в окружение и присоединившемуся к партизанскому отряду военному корреспонденту Ивану Лопухину, обладателю загадочного талисмана, который достался ему от старого колдуна в болотах Финляндии.

© Бурцев В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	12
5	14
6	17
7	19
8	22
9	26
10	29
11	30
12	32
13	35
14	37
15	39
16	42
17	45
18	47
19	49
20	52
21	53
22	56
23	58
24	60
25	63
26	66
27	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Виктор Бурцев

Вечное пламя

1

Из Петрозаводска пассажирских не было. В глушь Карельского перешейка шли только товарняки, пустые огромные стальные «рогатки» для перевозки леса, теплушки и цистерны. Иван договорился с машинистом, и тот махнул рукой: «Залезай, не жалко...»

В вагоне было навалено сено и терпко пахло лошадьми. Этот запах, такой теплый, живой, делал теплушку уютной. Иван кинул вещмешок, сгреб большую охапку сухой травы и устроился на ней, как на диване.

Хорошо!

Он повозился, устраиваясь поудобней. На всякий случай пощупал карманы пиджака, не потерялось ли чего...

Но командировочное удостоверение и пропуск, подписанный военкомом Карело-Финской ССР, для допуска в закрытую зону, никуда не делись. Важные документы. Собственно, в приграничную полосу его все равно никто не пустил, но описать новый быт народа Карелии можно, не забираясь в дальние дали. Главное – встретиться с реальными людьми, посмотреть, чем живут граждане Советской России. Чего хотят, чем интересуются...

Иван пребывал в самом радужном настроении. Впереди была целая жизнь! Работа, перспективы, любовь самой лучшей девушки, свадьба, наконец! Может быть, трудности, испытания, куда ж без этого?..

Вагон с лязгом дернулся. Пошел. Застучали колеса.

Иван закрыл глаза и почувствовал, что засыпает.

В полудреме, под перестук колес и лязг металла, он видел лето. Москву, шумную, зеленую, умытую большими поливальными машинами. Девушек, которые ходят по улицам в легких красивых летних платьях. И едят мороженое.

Поезд трясло, покачивало на перегонах. Под досками пола оглушительно грохотало на стыках. Но молодому журналисту было хорошо и уютно. Запах сена напоминал ему о деревне Клюквинке, под Рязанью, где жила его бабка Прасковья. Там всегда был сеновал, где можно было лежать и смотреть в небо. Высокое, глубокое и голубое. Огромное! Глядя на которое хочется петь от счастья и смеяться. Небо...

Когда Иван проснулся, он был уже не один.

У противоположенной стены сидели трое красноармейцев с винтовками и один старший лейтенант. Солнечный луч, проходя через щели в крыше, освещал три кубика на петлице.

– Проснулись, – констатировал солдатик, сворачивая «козью ногу». У него были густые рыжие усы, лицо в веснушках и картошкой нос. – С утречком!

Иван тряхнул головой.

– Здравствуйте, товарищи!

– И тебе не хворать... – устало отозвался красноармеец, а лейтенант подсел поближе и протянул руку.

– Старший лейтенант Кутузов Леонид Федорович.

– Лопухин Иван Николаевич, корреспондент газеты «Правда». Еду под Вирасвара, по командировочной надобности.

– Попутчиками, значит, будем. Я знаю, где вам сходить. Подскажу.

Иван заметил в дальнем углу пяток армейских ящиков, сложенных друг на друга.

– Спасибо... – Лопухин развязал вещмешок, вытащил бутылку коньяка и сигареты. – А пока угощайтесь!

– Вот дело! – Усатый красноармеец отправил «козью ногу» в кисет и потянулся к сигаретам.

– Ехать еще далеко, – рассудил лейтенант и выудил неведомо откуда бутылку водки.

Было видно, что мотаются эти четверо по вагонам не первый раз, видели в жизни достаточно. И если старлей пьет с солдатами, значит, так оно и надо.

После неспешной первой и скорой второй конопатый красноармеец выгрузил из мешка закуску. Хлеб, черный, крупного помола, и сало.

– Моя делала, – гордо пробасил он. – С чесночком.

На разложенной тряпице появились огурчики, лучок. Иван выложил колбасу.

Выпили еще. Иван закурил, шурясь от дыма.

– А что, товарищ журналист, про что писать будете? – поинтересовался красноармеец.

– Про жизнь, – Иван пожал плечами. – Как местные жители после войны тут... Налаживают быт.

– А... – чуть-чуть разочарованно протянул красноармеец. – Я думал, про Красную Армию.

– Это больше другие... – Иван почему-то смутился. – Я про деревни пишу. Как люди живут. Какие у них проблемы возникают, чему они радуются... Как колхозы строят.

– А нашу деревню всю под пулеметы пустили в восемнадцатом... – невпопад ляпнул другой красноармеец, молчавший до этого.

Лейтенант прокашлялся. Чтобы замять неловкость, Иван поинтересовался:

– А вы куда? На границу едете?

И сразу же пожалел. А ну как везут они что-нибудь секретное, получится, что он интересуется... Нехорошо.

Но лейтенант только покачал головой.

– Нет... В часть возвращаемся. А что вы про местных жителей знаете?

– Про карелов?

– Да тут намешано всего – карелы, финны, угры... В каждом хуторе свои порядки. Не разберешься. Интересный люд, темный только.

– Ну, ничего! Просветим! – Лопухин улыбнулся. Выпитая водка отдавалась шумом в голове.

– Это да, – Кутузов важно кивнул. – Электричество вот уж провели везде, где только можно. Дороги налаживаем. Не все, конечно, гладко...

– А я считаю, и хорошо, что не все гладко! – Иван махнул рукой. – Трудности, они для того и есть, чтобы их преодолевать.

Лейтенант улыбнулся, чуть грустно, и спросил:

– Комсомолец?

– А как же!

– Хороший у тебя настрой, – Кутузов вздохнул. – Правильный.

Он откинулся на охапку сена. Заложил руки за голову.

– Что, солдатики, приуныли? Наливайте!

За разговором время летело быстро. И когда где-то далеко надсадно загудел паровоз, лейтенант удивленно посмотрел на часы.

– Ну вот, – сказал Кутузов. – Вам через час сходить. На Вирасвара остановка короткая. Отметится только и дальше пошел. Так что не зевайте. Вам дальше куда?

– Колхоз «Карьяла»...

Лейтенант покачал головой.

– Такого не знаю. Но там подскажут... В общем-то народ тут общительный.

2

Действительно, как и сказал лейтенант, станция Вирасвара была просто железнодорожным узлом, хотя и довольно крупным. Сетка пересекающихся во всех направлениях рельсов. Стрелки, семафоры. Бревенчатое с острой крышей здание, где располагалась контора. Да и все.

Вдалеке, около старого и почему-то покосившегося вагона, стояла группа рабочих. Доносились унылая ругань. Подойдя ближе, Иван увидел, что одной парой колес вагон глубоко ушел в гравий.

– Как вообще устоял? – удивлялся дед в замасленных рукавицах. – Что ж ты, песья кочерыжка, стрелочник, в бога-душу-мать, не видел, куда состав направляешь? Давеча ж раскидали пути!

– Да я, – разводил руками какой-то молодой шкет, в перешитом матросском бушлате, весь перемазанный мазутом, – вроде ж спрашивал, дядь Толь... У вас же спрашивал...

– А я чего сказал, лисья норка?!

– На пятый гнать, – шкет повесил нос.

– А это какой? Это какой, я спрашиваю, лысого тебе в бок?!

– Седьмой...

Иван кашлянул.

– Здравствуйте, товарищи!

Рабочие обернулись. Хмурые усталые лица.

– Здравствуй, бухгалтера ищешь?

– Я? – удивился Иван.

– А кто ж?

– Нет, я дорогу спросить. Я из Москвы. Мне бы в колхоз «Карьяла» попасть.

– А-а... – протянул дядя Толя и улыбнулся. – Ну, это просто. Я-то думал, что опять бухгалтера будут искать... Ты в контору сходи. Там спроси товарища Либермана. А он уже свяжется.

– Спасибо! – Иван махнул рукой и под унылое «Ну, дядь Толь, я ж не специально...» направился к зданию конторы.

Внутри царили сырость и запустение. Пол под ногами скрипел, стены длинного коридора были заклеены газетами. Свет проникал через закопченные окна. Где-то в конце коридора была открыта дверь, слышался прерывистый стук печатной машинки.

Иван двинулся вперед. Каждый шаг сопровождался скрежетом.

– По правой стороне, – крикнул кто-то из открытой двери. – По правой стороне идите!

Иван сдвинулся правее, и действительно, скрип сразу же прекратился.

В кабинете, за огромным столом, сидел тощий мужчина в круглых очках. Черная борода и сухое лицо делали его похожим на Мефистофеля.

– По шагам сразу можно определить человека, – сказал он, поглядывая на Ивана поверх очков. – Вот вы человек новый, иначе бы ни за что не пошли посередине коридора. Там можно упасть.

– Да, – кивнул Лопухин, улыбаясь. Он вообще всегда старался улыбаться людям. Особенно незнакомым.

Мужчина привстал, протянул руку.

– Иосиф Либерман. Начальник ж/д узла.

– Иван Лопухин.

Рука у Либермана была неожиданно крепкой.

– Прекрасно, прекрасно! – мужчина встал из-за стола и, опираясь на палочку, отошел к небольшой тумбочке, на которой стоял поднос со стаканами. – Чай будете? Вам непременно надо выпить чаю. Иначе невозможно.

– Да я, собственно, не хотел вас отрывать... – Ивану почему-то сделалось жарко, он вытер пот со лба.

– А вы и не отрываете, а наоборот, даете мне возможность отдохнуть. Сделать, так сказать, перерыв. Я, как видите, не курю, а значит, не могу делать перекуры, но нельзя же все время работать. Вот, пью чай.

Он протянул Ивану стакан, на блюде рядом с которым лежало два кусочка сахара.

– Прошу вас! И снимите немедленно пиджак, тут очень жарко.

– Да, – ответил Лопухин, принимая угощение. – Я уже заметил...

– Это печка. – Либерман, осторожно неся блюдо со стаканом в одной руке, а второй опираясь на трость, вернулся к столу. – Печку я топлю даже летом! Иначе этот дом развалится на части. Уж поверьте! Обратили внимание на сырость в коридоре?

– Да, запах...

– Премерзкий! – согласился мужчина. – Дом очень старый. Сырость немыслимая. Даже летом. И никто не может сказать почему.

Он осторожно помешал сахар ложечкой и поинтересовался, искоса поглядывая на Ивана:

– А вы по какому вопросу к нам?

– Я из Москвы, – начал Лопухин. Либерман кивал на каждое его слово, словно ему было заранее известно о том, кто такой Иван и зачем он пожаловал. – Командирован от газеты «Правда». Мне в колхоз «Карьяла» попасть было бы хорошо...

Лопухин протянул Либерману командировочное удостоверение.

– Ага... – Начальник ж/д узла, быстро стрельнул глазами на Ивана, потом в удостоверение и забубнил: – Все понятно, все понятно... Сейчас организуем.

Он выудил из-под стола большой черный телефонный аппарат, снял трубку. Потом долго стучал по рычажкам и кричал: «Алло!» Через некоторое время в трубке ответили.

– Мне колхоз «Карьяла»! Срочно. Что? Черт знает что. – Либерман с сожалением убрал аппарат под стол. – Обрыв. Опять обрыв. У нас, к сожалению, это часто бывает.

– Ну... – Лопухин развел руками. – В конце концов, это не трагедия. Я могу и сам добраться. Не в первый раз.

– Что вы?! – Либерман затряс бородой. – Не думайте даже. В здешних лесах не то что приезжий, а и местный житель заблудиться может.

– Но ведет же туда дорога!

– Конечно, ведет! Но отпускать вас одного я... не имею права. Представляете, что будет, если вы тут где-нибудь в болото провалитесь?! Корреспондент центральной газеты! Вы представляете?

– Не очень.

– Зато я представляю. – Иосиф махнул рукой. – Пейте чай.

Либерман выбрался из-за стола и ушел в соседнюю комнату. Было слышно, как со скрипом распахивается окно.

– Бора! Бора! Где он?!

Ему что-то неразборчиво ответили.

– Так позовите его ко мне! Пусть идет сразу же. Бора! Черт... – Либерман вернулся. – Сейчас все будет.

Вскоре в коридоре скрипнули полы и в кабинет вошел высокий, под два метра ростом, парень лет двадцати, в штопаной спецовке.

– Ну...

– Что «ну»? Оболтус! – Начальник ж/д узла всплеснул руками. – Где ты шастаешь?

– Я генератор чинил.

Либерман только вздохнул и обратился к Ивану:

– Это мой племянник. Бора. Работает под моим чутким руководством нашим электриком. И, знаете, если бы не я, он давно бы...

– Ну, Иосиф Карлович, – пробасил племянник.

– Давно бы неизвестно чем занимался, – завершил фразу Либерман и поверх очков посмотрел на Лопухина. – Понимаете? Но не могу же я бросить племянника в беде. Сына родной сестры. Единственного. Конечно, я вытащил его сюда. Слава богу, что у нас всегда нужны люди, чтобы работать. – Он повернулся к единственному сыну родной сестры: – Поедешь на линию. Опять обрыв.

– Почему я?!

– Потому что магазин дяди Фимы стоит больше, чем твоя дурная башка! Собирайся, возьмешь у Семена телегу, передашь, что я сказал. И мигом в «Карьяла». С тобой поедет наш гость. Корреспондент, между прочим, центральной газеты. Тебе понятно?

– Мне понятно.

– Иди.

– Иду, – ответил Бора, не трогаясь с места.

– Иди, Бора! – с нажимом повторил Либерман.

Тот вздохнул и вышел.

– Вот и все! – Иосиф Карлович обрадованно хлопнул в ладоши. – Конечно, телега Семена это не ваше московское метро... Но зато точно будете на месте, а у меня камень с души спадет. Вы пейте чай! Пейте! Это очень полезный напиток. К тому же этот олух наверняка будет возиться еще час, не меньше.

Через полтора часа совершенно обалдевший от разговоров Лопухин погрузился в старую, скрипучую телегу. И провожаемый радостным Либерманом, двинулся в путь.

– Боже, боже! Как приятно поговорить! – вздохнул Иосиф Карлович, глядя вслед Ивану. – Как приятно... И как все-таки хорошо, как все-таки замечательно, что этот милый человек не про нашего бухгалтера приехал.

Либерман закатил глаза и заковылял обратно к себе в контору.

3

Дорога в колхоз была, прямо скажем, не из самых наезженных. Несмотря на жаркое лето, телега несколько раз вязла в грязи. То и дело приходилось соскакивать, чтобы старой равнодушной ко всему лошаденке было полегче.

Бора был человеком молчаливым, хмуро покрикивал на лошадь, когда та норовила остановиться, и косил одним глазом на провода, идущие от столба к столбу.

– В прошлом году, – вдруг сказал он невпопад, – у нас мужика так волки задрали. Вместе с лошастью.

– Пряма середь бела дня? – ужаснулся Иван.

– Почему середь бела дня? Ночью. Ехал, а выпивши был. И заснул. А лошадка возьми да и остановись. А как очнулся, так поздно было.

Лопухин не нашелся, что ответить.

Действительно, в лесах, что окружали дорогу, могло произойти что угодно. Деревья, огромные, изогнутые, впившиеся в землю корнями, переплетением ветвей укрывшие землю от солнца. В этих местах и жизнь была такой... дикой, сильной, вцепившейся в существование всеми когтями и клыками.

На очередном повороте дорогу им перебежала лиса. Крупная, рыжая. Она остановилась на обочине и долгим страшным взглядом проводила ехавших. Эти глаза, полные настоящей звериной жажды крови, заставили Ивана вздрогнуть. Он почувствовал, как звериное его начало отзывается, поднимая волоски на спине дыбом.

Что-то похожее, видимо, ощутил и племянник Иосифа Карловича. Бора стегнул уныло плетущуюся лошаденку. Что-то крикнул ей, и телега покатила быстрее. Вскоре лиса ушла в чащу.

– Местные говорят, что лиса – это дурная примета, – сбавив ход пробормотал Бора. – Вроде как черная кошка.

– А вы знаете, откуда эта примета взялась? – обрадовался возможности завязать разговор Иван. – Я про черную кошку.

– Ну, – Бора недоверчиво покосился на Лопухина. – Черная потому что.

– Совсем нет. У нас в университете был интересный преподаватель, так он рассказывал, что все приметы и суеверия не имеют под собой какой-то мистической основы, а всего лишь являются отголоском старинных жизненных наблюдений. Ну, как наши правила дорожного движения. Переходя дорогу, надо посмотреть сначала налево, а потом направо не потому, что так принято или в этом есть какой-то таинственный смысл, а потому, что у нас правостороннее движение. Так и с черной кошкой. В старину, когда люди путешествовали по дорогам, то на них часто нападали разбойники. Разбойники нападали обычно ночью. А ночью всякая кошка – черная. Если зверь откуда-то убежал, то значит, что-то его спугнуло. Может быть, готовящиеся лиходеи. Потому, если кошка перебегает тебе дорогу, считалось, лучше свернуть на другую дорогу и пойти другим путем. Вот так...

Бора помолчал, осмысливая услышанное, а потом сказал:

– А саамы говорят, что лиса ходит за медведем. И подьедает за ним, что останется... – Он почесал в затылке и стегнул лошадь вожжами. – Пошла! Пошла!

«Вот и поговорили», – подумал Иван, трясаясь в телеге.

Обрыв провода нашли сразу. Через дорогу лежало здоровенное дерево, начисто порванное провода, натянутые между столбами. Около огромного ствола суетились мужчины с пилами.

Вместо того чтобы подъехать, Бора резко остановился. Сунул руку в сено, которым была завалена телега, что-то нащупал.

– Эй! Кто такие?! – крикнул он. – Вы откуда?

– От верблюда, раздолбай с Покровки! – весело ответили ему.

– Ф-фух... Слава богу... – Телега подкатила поближе. – Я со станции, электрик... С проводами-то чего? – поинтересовался Бора.

– Поди да глянь! – отозвался молодой парень с русыми, почти белыми волосами. Он безуспешно пытался завести бензопилу, вспотел и был зол.

Бора попытался продрасться через мешанину веток, но не смог.

– Да... Придется обождать...

– Простите, – обратился Иван к пожилому человеку, который курил в сторонке, – вы из «Карьяла»?

– Да, – голос у мужчины был глухой, хриплый. – А вы, собственно, кто?

– Я журналист, меня к вам командировали. Чтобы составить...

– А-а-а... – Мужчина кинул окурок на дорогу и старательно затоптал. – Это про вас мне председатель все уши прожужжал. Ну и прекрасно! На ловца и зверь бежит. Меня Борисом Александровичем зовут, я, собственно, за вами и ехал. Пойдемте, пойдемте...

Лопухин махнул Боре рукой, тот вяло кивнул. А Борис Александрович был уже далеко впереди, широко шагая по дороге. Иван бросился его догонять. От этого человека веяло уверенностью, жизнью. Казалось, что ему все равно, плавить сталь на Магнитке или валить деревья в карельских лесах. Все ему было по плечу, все по силам.

– А у нас вот вышла такая история, – говорил Борис Александрович запыхавшемуся Лопухину. – Дерево на дороге. Ну, бывает, соответственно. И как раз перед вашим приездом. Ну надо же. И машину послали за вами... А вот такая незадача.

– Да ничего, я бы и сам добрался. – Ивану было трудно говорить.

– Куда там, через наши леса к нам добраться пока никак. Лесовозы другими маршрутами ходят, от Виравара хорошей дороги и нету совсем.

– Как же? А мне сказали, что тут самый короткий путь.

– Где сказали? – удивился Борис Александрович.

– В редакции...

– Попутали! Точнее, все верно сказали, но... короткий, да не самый удобный. Почва тут плохая. Болотистая. И леса дремучие. Тяжелая техника не пройдет. Но по карте, соответственно, – да, самая короткая дорога. – Они подошли к автомобилю. – Садитесь!

Уже трясясь на ухабах, Борис Александрович пояснил:

– Вообще тут спокойно. Но всякое бывает. Потому, когда связь прервалась, мы людей выдвинули. Проверить. Леса совершенно глухие, но люди в них живут. Иногда кажется, что дичают они там, среди деревьев да зверья. Ведь, соответственно, даже словом перемолвиться и то не с кем. Всякое случается.

Вскоре потянулись просеки. Огромные, едва ли не уходящие за горизонт, рукотворные поляны. То и дело вдалеке виднелись огромные машины, волочившие сваленные деревья.

– Тут наши лесозаготовки. А еще дальше наше рыбное хозяйство. Озера тут... М-м-м... Сказка! – Борис Александрович покачал головой. – В общем, я вам все покажу. Везде проведу.

– Меня очень интересуют люди. Как живут, чего хотят, что их беспокоит...

– Хорошо. Будут, соответственно, и люди!

4

Спал Иван хорошо. Снилось что-то легкое, баюкающее, удивительное. В доме председателя, улыбчивого финна, было уютно и тихо.

По приезде Лопухин сразу с порога собрался было пробежаться по всему хозяйству, посмотреть, как выращивают рыбу, как валят лес, где пасется скотина, какая техника работает, а главное – людей.

Но его не пустили, мягко и ненавязчиво. Сначала гостя надо было накормить. Потом ему надо было отдохнуть с дороги, потом его следовало расспросить о столичных новостях. А когда гость отдохнул, подоспела баня. Настоящая, финская, горячая, наполненная острым еловым духом.

После нее, после густого, бьющего в нос домашнего кваса, идти уже никуда не хотелось. Да и ночь к тому времени опустила свои молочные сумерки на деревья, на холмы, на реку. Иван долго сидел, вытянув ноги, на скамье перед баней и смотрел в светлое небо, где едва-едва виднелись редкие звезды. Рядом сидел председатель, Маркко.

Оба молчали, серьезно так, с понимаем красоты момента.

А потом Иван еще долго пил чай. А председатель рассказывал всякие байки из местной жизни. О том, как в прошлом году у Кемярви, у хуторянина, корова в болото забрела, а как мужик ее вытаскивать начал, так к берегу медведь пришел. Пришел да сел, смотреть. Так мужик с коровой на островке и торчали всю ночь, пока косолапые охотники-промысловики не спугнули. О том, как в соседней деревне бабы домового едва не поймали.

Лопухин даже не заметил, как заснул.

Проснулся он легко. Открыл глаза и все. Будто и не спал вовсе, но отдохнул как никогда. В теле поселилась живая бодрость, даже какой-то кураж. Хотелось выкинуть что-нибудь эдакое! Забраться на самую высокую ель да крикнуть лихо...

Иван быстро оделся. Выскочил из дома, умылся холодной, почти ледяной водой, прополоскал рот и, жмурясь от ломоты в зубах, вернулся в избу. На столе, прикрытая ажурной салфеткой, стояла тарелка с блинами. Рядом записка.

Иван развернул.

«Ешь. Молоко в погребе. Приходи на лесопилку. Тебе будет интересно».

– О как! – обрадовался Лопухин и, махнув рукой на блины, выбежал из дома, захватив с собой только блокнот да новенький «ФЭД».

Сразу же перед Лопухиным встал вопрос: а, собственно, куда идти?

Повинуясь чутью и едва слышному гудению какой-то техники, Иван свернул по улице направо. Пройдя несколько домов, повстречал девушку.

– Простите, – сразу же кинулся к ней Иван, – а лесопилка в какой стороне?

Она окинула его взглядом и чуть посторонилась, словно стесняясь.

– Да вы не бойтесь... – Иван улыбнулся. – Мне на лесопилку. Я из Москвы...

Но девушка осторожно, не глядя в его сторону, обошла корреспондента и, заметно ускорив шаги, двинулась дальше по улице.

– Не понял... – пробормотал Иван.

Оставалось надеяться на свою интуицию.

Вскоре ему попались две женщины, которые оживленно болтали о чем-то у калитки.

– Извините, – начал Иван, стараясь не подходить близко, чтобы не получилось как в прошлый раз. – Я из Москвы, корреспондент. Мне на лесопилку надо. Не подскажете, где она?

– Что? – отозвалась та, что стояла за оградой. Голос у нее был высокий, со звоном, такой слышен издали. – Ты чего ж так далеко встал? Еще б с другого конца деревни кричал!

И она засмеялась, задорно глядя на Ивана.

– Да я тут девушку уже напугал, – сказал Лопухин, подходя ближе к забору. Женщины разглядывали его с явным интересом. – Вроде как спросил нормально, а она убежала...

– Ой, это Катьку?

– Не знаю, может, и Катьку...

– Ну, вниз по улице шла, с ведрами? – Женщина махнула рукой. – Так она блаженная.

– Да? Я не знал... Мне на лесопилку надо. Там меня председатель ждет.

Женщины почему-то рассмеялись.

– Тогда тебе вон туда... Только ты уж поспеши! А то без тебя уедут. Маркко уж очень торопился...

– Даже так! – Иван заторопился. – Спасибо!

– Да не за что...

Лесопилка оказалась вскоре. Лопухин увидел ее, как только взобрался на высокий холм. Солнце уже изрядно припекало, когда Иван вышел к засыпанным опилками воротам.

Маркко он увидел сразу. Подошел. Поздоровался.

– Я торопился как мог.

– А это ничего. Мы бы подождали.

К ним подошел Борис Александрович.

– Ну что? Поедем?

– Да, пожалуй, – нехотя согласился Маркко.

Неподалеку Иван заметил пару человек в форме.

– Что-то случилось?

– Да, – председатель сморщился. – Кража...

– Кража? – Иван округлил глаза.

Маркко только вздохнул, а Борис Александрович пояснил:

– Да, история вышла. Колхозное имущество пропало. Ночью кто-то забрался в сарай, замок сорвали и две бензопилы утащили. А это штука ценная... Особенно когда в лесу живешь.

– И на кого думаете?

– Да есть один дед. – Борис Александрович кинул короткий взгляд на председателя. – Куркуль. Живет тут, неподалеку. В лесу. Когда колхоз ставили, он первый противник был. Да и приключалось всякое... И понимаешь, как какая неприятность, так обязательно деда рядом видели. Это, между прочим, лесопилка новая. Старая сгорела. Так он вокруг крутился. Лодки кто-то продырявил, три года назад. Все потонули... Опять его видели... Чертовщина. И не доказать ничего.

Маркко вздохнул.

– Но в этот раз не отвертится, – Борис Александрович погрозил кому-то пальцем. – В этот раз не отвертится! Пилы, они... не иголка. Найдутся. Я потому и пригласил вас, чтобы вы видели, что у нас есть всякие... элементы. Но мы их давили и давить будем!

А председатель все вздыхал. Тяжело...

5

Однако пошло все совсем не по сценарию Бориса Александровича.

Хутор старика Йусси был вполне солидным хозяйством. Солидный дом, старый, но крепкий. Сделан в те времена, когда строили не только для себя, но и в расчете на детей, внуков и правнуков... Ограда вокруг дома недавно подновлялась, была крепка и стояла ровно. Неподалеку располагалась банька. Тоже крепкая, будто бы вросшая в землю и закопченная. Две равнодушные козы бродили по травке, да надрывалась маленькая собачонка на обтрепанной веревке около будки.

Сам старик, невысокий, с длинной седой бородой, сложив руки на коленях, сидел на лавочке, под низеньким окошком и безучастно смотрел на пришедших людей.

Милиционеры и приданные им в помощь пятеро молодых финских красноармейцев осматривали сарай, тыкали штыками в сено, чем-то гремели на чердаке. Один попытался заглянуть в будку, но собачонка оказала настолько ожесточенное сопротивление, что солдатик отступился, раздумывая, то ли прикладом шавку приложить, то ли плюнуть на это дело...

– Бензопила большая, ее в будку не спрячешь, – громко сказал Маркко, и солдат махнул рукой. Тем более что осматривать еще было что.

Старик тем временем повернул голову и пристально посмотрел на председателя колхоза. Тот, в свою очередь, старательно избегал встречаться взглядом с Йусси. Борис Александрович прохаживался вокруг дома, постукивал кулаком по бревнам, словно примеряясь, где бы половчее вдарить, чтобы обнаружить тайник.

– Слышь, дед! – подсел он к старику. – Это ведь наверняка ты пилы припрятал. Ты скажи где, все равно ведь найдем!

– Вот и найди, – равнодушно пожал плечами Йусси.

Борис хлопнул себя по колену и направился к бане.

– Вы ходите, посмотрите, – вдруг сказал Маркко, обращаясь к Ивану, – вам интересно будет. – Голос его был тусклым, будто бы мертвым. – В нашем районе последний кулак. Будет о чем написать...

– А вы думаете, у него пилы?

Председатель кивнул.

– Не похож он... Хоть и кулак, а не похож на вора.

Маркко только руками развел. Что, мол, поделаешь...

Иван прошелся вдоль забора. Дотронулся ладонью до огромного дуба, что рос внутри ограды. Где-то Лопухин слышал, что сажать такие деревья рядом с домом нельзя. Якобы они своими могучими корнями, расходящимися далеко в стороны, могут фундамент дома свернуть.

Огромный, точно столетний великан возвышался над домом Йусси, как отец над маленьким ребенком. Словно бы прикрывал его от чужих взглядов, от палящего летнего солнца. Будто бы держал избу в своих зеленых, крепких ладонях.

– Это старое дерево... – вдруг произнес рядом чей-то голос.

Иван вздрогнул и обернулся.

Рядом стоял старик. Последний кулак смотрел благожелательно, как смотрит человек взрослый и уже подуставший от жизни на маленького ребенка, только-только в эту жизнь пришедшего.

Лопухин прокашлялся. Как разговаривать с человеком, у которого проводится обыск, он не знал. Тем более неблагонадежный элемент...

Но старик улыбнулся. И Иван подумал: «А какого черта? В конце концов, пил у него еще не нашли, да и...»

Что «и», Лопухин не знал, но почему-то твердо решил, что поговорить с дедом надо. Просто потому, что в другой раз такой возможности может и не представиться.

– А я слышал, что сажать дубы рядом с домом нельзя. У них корни расходятся широко... Вроде как больше чем на пятьдесят метров.

– Я и не сажал, – улыбнулся старик. Он говорил с удивительным, мягким акцентом, но очень правильно выговаривал слова. – Сам вырос. А я с ним договорился...

– Что? – Иван подумал, что ослышался.

– Договорился. Сел вот так, – финн подошел к дубу и уселся прямо на землю, опершись спиной о дерево, – и говорю: не трогай мой дом, а я не буду трогать тебя. И все.

Лопухин неопределенно хмыкнул, не зная, как реагировать. То ли пошутил дед, то ли просто двинулся от одиночества.

– Так и живем уже... много-много лет живем, – продолжал старик. – Пойдем, покажу... – Он легко поднялся на ноги и повел Лопухина к избе. – Смотри...

Там, возле самого дома, огромный, толстый, как туловище человека, корень волной выходил из-под земли, заворачивался у самой стены и снова скрывался под землей.

– Видишь? Так он соблюдает договор. Этот корень вон туда идет, – Йусси махнул рукой вдоль избы. – А потом поворачивает и снова прямо. Как ладонь. – Он нагнулся, подобрал желудь, сложил ладони лодочкой, спрятав его. – Вот так. И дуб тоже держит мой дом вот так. – Йусси улыбался. – А когда умру, договор кончится. И он сломает мой дом. Деревья часто умнее людей. Пойдем, покажу тебе еще...

Старик повел Ивана дальше, на задний двор, где в панике бегали от солдат куры, а усатый пожилой следователь чесал в затылке. Йусси перекинулся с ним парой слов на финском. Следователь отвечал хмуро, неприязненно поглядывая на Ивана. Потом сказал по-русски, тяжело коверкая слова:

– Вы не ходить тут много. Топтать след.

– Извините, – простодушно ответил Иван, от чего финн скорчил еще более кислую физиономию.

Старик махнул рукой:

– Пекко меня не любит. Когда он приехал в наши края, у него была жена. Он ко мне пришел как-то раз и говорит: у меня есть жена, а у тебя нет. Ты никому не нужен. Он пьяный был. Я тогда ответил, что его счастье не долгим будет. Так и вышло. Это давняя история. Он потом ко мне приходил еще раз. С топором. Рубил дверь. Сломал топорнице. Но я на него не обижаюсь, – словно подтверждая свои слова, дед улыбнулся усачу. – Нет, не обижаюсь. Прощаю ему все. Пойдем...

Йусси повел Лопухина дальше.

Уже за границей забора, под бдительным оком финна-следователя, Йусси показал Ивану два больших камня. Громадные гранитные валуны имели ровную поверхность и располагались друг возле друга, как две колоссальные ступени. По окружности камни были украшены каким-то сложным перепутанным рисунком. Бороздки, выбитые на глыбах в незапамятные времена, едва виднелись. И вблизи их было совершенно не разглядеть, но если отойти на пару шагов, знаки проступали на камне явственно.

– Вот это да... – прошептал Иван, начисто позабыв про то, что дед неблагонадежен и вообще слегка тронутый, про солдат и злого следователя Пекко. – Это ж... Сколько ему лет?

– О! – Йусси засмеялся. – Никто не считал. Никто. Это очень старые камни.

– Настоящие памятники старины. – Иван в восторге начал расчехлять фотоаппарат. – Можно я сфотографирую?..

– Нельзя! – крикнул Пекко. – Спрятать камера!

И добавил что-то по-фински. Красноармеец, стоявший неподалеку, сделал несколько нерешительных шагов к Ивану.

– Тут идет следствие! – важно подняв палец, пояснил усатый финн.

Йусси махнул рукой.

– Не надо с ним спорить. Я вам лучше расскажу. Эти камни, они могильные. Сюда всегда приходили умирать. Вот эти резы, – дед старательно выговаривал это слово, будто вкладывая в него особый смысл, – говорят, что мертвый отсюда отправляется на тот свет. Как по лестнице. Помоги-ка мне...

Он протянул Ивану руку. Тот взял ее, ощутив, какая тяжелая у старика ладонь. Йусси сжал пальцы, и Лопухин ощутил, как что-то твердое оказалось у него в руке. Сам не понимая, что делает, Иван стиснул предмет.

Дед, опираясь на руку Лопухина, встал на первый камень.

– Отсюда человек начинал свой путь в мертвый мир, где его ждет большая дорога. Длиннее, чем его жизнь на земле, – сказал, улыбаясь, старик. – Становясь на эту ступень, человек должен был подарить что-то тому, кто провожает его в последний путь.

Иван смотрел на деда во все глаза.

– Потом, – Йусси с явным усилием взобрался на второй камень, – человек видит всю свою жизнь. Отсюда, с высоты второй ступени, ему видно все-все, что он совершил, что сделал хорошо, а что не очень...

Старик посмотрел в сторону ворот, где стояли председатель Маркко и Борис Александрович.

– Отсюда он прощает всех, – продолжал Йусси. – И идет на тот свет уже легко. Будто летит.

– Нашел! Нашел! – закричал кто-то у реки.

Иван дернулся и не увидел, как дед сделал свой шаг в небо. Только тело с глухим стуком ударилось об землю.

От забора бежали финны, следовательно. Лопухин бросился к старику, присел, поднял ему голову.

Тот был мертв.

6

Назад возвращались молча. Грузовик потряхивало на колдобинах. В ногах перекатывались, громыхая, бензопилы. Солдаты молча курили. Следователь недовольно крутил усы.

– Около бани спрятал, соответственно, – наклонился к Ивану Борис Александрович. – В крапиве.

Но прозвучало неубедительно, как оправдание.

– А кем он был? – вдруг спросил Иван.

– То есть? – Борис не понял.

– Ну, вообще... Занимался чем?

Борис Александрович пожал плечами и покосился на председателя.

– Да так... Мелкобуржуазный элемент.

– Он вам что-нибудь дал? – вдруг спросил Маркко.

Лопухин помедлил с ответом. А потом разжал кулак. На ладони лежал круглый металлический диск. Тяжелый, как из свинца.

Маркко заметно побледнел и вздрогнул, а усатый следователь заинтересовался:

– Что это? – Он взял диск и принялся рассматривать его, подслеповато щурясь. Потом хмыкнул и вернул железку Лопухину. – Бабушкины сказки.

– Ну, – демонстративно протер кругляк платочком Иван, – кому сказки, а кому народные сказания. Сейчас этому большое значение придают. В Москве.

Иван с удовлетворением заметил злой огонек в глазах следователя. Злой и испуганный. Борис Александрович, напротив, почему-то даже обрадовался.

– А вы к нашему председателю обратитесь! Он, соответственно, много разных сказок знает. К нему детишки наши бегают, табуном!

– Правда? – Лопухин обернулся к Маркко.

Тот кивнул и протянул руку:

– Можно?

Иван протянул странный диск председателю. Тот долго гладил угловатые значки, выбитые в металле. Крутил в пальцах, рассматривал окантовку, пущенную по краешку диска.

– Тонкая работа, – прокомментировал Борис Александрович. – Старая.

Маркко вдруг сжал кулак. Резко повернул. Что-то громко щелкнуло. Когда председатель раскрыл ладони, диск распался на две половинки.

– Ух ты! – Борис Александрович даже приподнялся. – Это ж, соответственно, шкатулка! Иван подсел поближе.

Председатель опустил ладонь вниз, показывая всем содержимое. Диск действительно представлял собой шкатулку. Там, на гладкой внутренней поверхности, лежал другой кусочек металла. А может, это был камень?.. Грубый, в отличие от футляра, с неровными краями и одним большим знаком, вырубленным посередине.

Следователь на всякий случай отсел подальше, с опаской поглядывая на футляр в руках Маркко. Председатель, видя такую реакцию, протянул ему ладонь с находкой.

– Возьмешь?

Следователь потряс головой.

– Так ведь сказки же, – глухо произнес председатель. И добавил зло: – Бери!

– Не возьму. – Пекко отсел еще дальше.

– Это же искал!

– Ничего я не искал! – вдруг взвизгнул следователь. Куда только делся его акцент? – Я искал пилы! А этот ваш Йусси – вор! Всегда вором был и подох вором!

Иван понял, что присутствует на кульминационном моменте какой-то старой ссоры.

На лице Маркко заиграли желваки, и он прошипел что-то по-фински. Злое, страшное. Пекко смолчал. Совладав с собой, председатель повернулся к Лопухину и спокойно курившему Борису Александровичу.

– Это старая легенда. Камень называется рунным. Его хранят в специальной шкатулке, чтобы случайные руки его не касались. Считается, что тот, кто возьмет камень, примет его как собственность или подарок, тот примет и свою судьбу. А уж какой она будет, не знает никто. Только ведьмы, которые этот камень сделали. И случилось это давным-давно, еще когда на земле жили два могучих народа, враждовавшие друг с другом. С той поры и находят люди в болотах да в озерах такие камни. Но и судьбу вместе с ними. Кое-кто говорит, что судьба эта зависит от того, какой человек возьмет в руки камень... У плохого и судьба будет страшная. А у доброго... Главное, что не изменишь уже ничего. Судьба. – Маркко протянул рунный камень Ивану. – Это ваш подарок. Возьмете?

Лопухин тряхнул волосами и ответил весело:

– Я материалист. В судьбу не верю. – И протянул руку, чтобы взять камень.

– Судьбе все равно, кто ее принимает... – тихо ответил председатель.

Иван не ощутил ничего, вынув камень из шкатулки. Совсем.

Тяжелый каменюга. Непонятные резы на нем сделаны глубоко, и складывалось ощущение, что их не выбили, а выплавили. Хотя Иван совершенно не разбирался в подобных вопросах, могли и вырезать, а потом долго-долго скоблить. Лопухину доводилось видеть в краеведческих музеях и не такие поделки.

– Спрячьте в карман, – председатель протянул Ивану шкатулку. – Вечером вам расскажу еще одну историю.

Они снова замолчали. Только злополучные пилы катались по доскам кузова.

По приезде следователь начал упираться, что бензопилы – это вещественное доказательство и он должен забрать их с собой. После длительного и безрезультатного препирательства с председателем на первый план вышел Борис Александрович. Он отвел Пекко в сторону и долго что-то ему втолковывал, рубя воздух ладонью. Следователь пытался отвечать, но тщетно. Вскоре он вместе с солдатами и своим помощником уехал, а Борис Александрович вернулся к Ивану, утирая лоб.

– Ох и тяжелый человек! Ох и каменюга! Сколько раз уже... А всегда с ним тяжело. Голова, соответственно, трещит, будто раскалывается!

– Я хотел, чтобы вы мне хозяйство показали, да, видимо, вам трудно сейчас, – Иван развел руками. – Может быть, мне к Маркко обратиться тогда?

– Нет, не надо, – Борис Александрович сморщился. – Ему сейчас... не до того будет. Бумаги писать, отчеты... Эх... Так что давайте со мной походим. Готовы? Перекусить не желаете?

Иван вдруг вспомнил, что у него маковой росинки во рту не было с утра.

– Знаете, очень хочу!

– Тогда пойдёмте...

7

После обеда Иван с Борисом Александровичем снова отправились на лесопилку, хотя планировали двинуть к озеру. Но что-то там опять приключилось в лесном хозяйстве. На лошади прискакал какой-то малец и, пригнувшись, крикнул в окошко:

– Борис Саныч, опять тягачи встали! Юри приехать просит!

Борис хлопнул себя по бедрам и сплюнул.

– Буду, скажи! – крикнул он вслед парнишке.

– Случилось что-то? – поинтересовался Лопухин, когда Борис Александрович вернулся за стол.

Тот в ответ только рукой махнул.

– Это так, наши местные сложности. Колхоз, соответственно, молодой. Очень много людей с самых разных мест. Поднимаем хозяйство, сами видите, как приходится иногда... С местными сложно бывает. Тут после войны всякого люда осталось... Маркко очень тяжело. Он хоть и авторитетом пользуется, но все-таки, сами понимаете. Разные бывают моменты. Сейчас вот поеду разбираться... Может, вы без меня на озерцо?

– Нет-нет! – Лопухин встал. – Я с вами!

– Да не будет вам интересно... Рабочие моменты, соответственно... – Чувствовалось, что Борис пытается увильнуть.

Однако Иван оставался тверд:

– Я мешать не буду. Похожу, посмотрю, пару снимков сделаю. Покажете мне ваших ударников. Я интервью возьму. Есть ударники?

– Найдем, – Борис Александрович вздохнул. – Ну что ж, поехали...

В машине, подпрыгивая и трясясь, Борис вводил Лопухина в суть проблемы:

– Тягачи деревья возят. Техника могучая, подцепил стволы и поволок. Ну и работа тяжелая. По жаре в кабине духота, двигатель ревет... Наши-то, приезжие, еще ничего, справляются, а местные все норовят схитрить. Оплата идет по сделанному, так они норовят за раз стволы сверх нормы схватить. За полдня сволокут дневную норму и все. На обочину и под машину.

– Зачем?

– Ну, ремонт якобы. Водителю ведь все равно, сколько он стволы за раз волочет. Не на горбу же. А получается, полдня поработал – и на боковую. А у меня потом тягачи из мастерских не вылезают. Два двигателя перебрали, на один запчастей нет, так и стоит! Еще у одной машины ходовую выбило, соответственно! И что теперь делать?

– А наказать? Рублем ударить?

– Да какое там... – Борис махнул рукой. – Пробовали уже все. И общественное порицание выносили, и рублем... Я им: «Вредительство!», а они мне: «Передовой метод!» И что делать? Местных и так в колхоз затащить проблема была. Чего только не делали... Уклад у них другой. Все больше хуторами, за тридевять земель друг от друга... Если бы не Маркко, так и не знаю, чем бы все кончилось.

– Инициативный человек?

– Ну, – Борис пожал плечами, – не то чтобы, просто авторитетный. Для местной молодежи вроде как. А в колхоз кто идет? Только молодые! Старики... ну, сам видел.

Они проехали кучу опилок, свернули в лес и двинулись по ухабистой дороге, что шла вдоль обширной просеки. Через некоторое время Борис Александрович резко свернул налево и встал на небольшой полянке.

– Дальше ногами пойдем, – пояснил он. – Там только тягачи ходят. И то не в сырую погоду. Болота тут. Капитальные болота. Кто-то рассказывал, что лосей утягивает. А уж лось, он, соответственно, по любой топи пройдет.

Воздух был заполнен одурманивающим запахом леса. Трав. Еловой смолы, разогретой на солнце. Шумел ветер и неумолчно щебетали птицы.

– Хорошо-то как! – Иван задрал голову и прищурился на солнце. – Хорошо!

Борис хмыкнул, как показалось Лопухину, чуть самодовольно.

– Ну, что ж, пойдете... Теперь вы этих красот насмотритесь.

Идти по лесной дороге было легко. Впечатление портили только комары, здоровенные, голодные и злые, они налетели, казалось, на одного только Ивана. По крайней мере, Борис Александрович отмахивался от них как-то легко, словно даже не замечая. Лопухину же досталось в полной мере.

– Что, зажрали? – поинтересовался Борис. – Тут комары злющие. Особенно на приезжих. Мы-то уже пообвыклись. А кто приедет, да еще в первый раз... Тучами налетают. – Он сошел с тропы. Сорвал пучок каких-то травок. Протянул Ивану: – Вот, обмахивайтесь.

– Что это?

– Да травка какая-то местная, я названий не помню. Но вроде как помогает. Комарье ее боится даже.

Иван последовал его совету, и действительно гудящая эскадрилья вроде бы отстала.

– Надо же! А я и не знал, что такое средство есть...

– И я не знал, – бодро ответил Борис. – Наш председатель показал. Вроде и растет она не везде, а только тут. Давайте-ка отойдем...

Навстречу им с рычанием и лязгом полз здоровенный железный монстр. Тягач.

Борис Александрович замахал рукой. Машина рыкнула и остановилась. Грохот от двигателя снизился до приемлемого уровня.

Из кабины высунулась конопатая физиономия водителя.

– Саньч! Опять стоим! Я не знаю, что делать уже. Как сговорились!

– Что значит – не знаю?! – с места в карьер заорал Борис, да так, что перекрыл своим голосом рык мотора. – Что значит – не знаю? Ты бригадир или кто?!

– Ну, бригадир...

– А может, мне найти бригадира без «ну»?! Что за бардак на работе? Ты что, с водителями справиться не можешь?!

– Да могу я! Только без толку это все! С ними же каши не сварить!

– А где я тебе других возьму? Где?! Вот что, Степан, или ты находишь способ в своей бригаде порядок навести, или тобой займусь я! Понятно?!

– Понятно, – протянул Степан и нырнул в кабину. Тягач взревел и двинулся дальше.

– Еще немного осталось, сейчас на месте будем. Уже слышно, как валят...

Иван кивнул. Он сам ничего не слышал. В ушах до сих пор стоял грохот двигателя тяжелой машины.

Однако Борис оказался прав. Через несколько десятков метров дорога делала плавный поворот. Отсюда была видна вырубка. Огромная рукотворная поляна. На ней около нескольких бревен тяжело ворочался еще один тягач. Еще четыре стояли тут же. По краю поляны работали люди с пилами. То один, то другой здоровенный ствол рушился на землю.

– Эх... – выдохнул Борис Александрович. – Теперь я пойду, мне тут переговорить надо...

– Да-да, конечно. – Иван расчехлил фотоаппарат. – Я тут сам...

– Только смотрите мне, – Борис погрозил пальцем. – Чтобы без приключений. Очень внимательно по сторонам смотрите. Все-таки вырубка, не прогулочный парк.

И он убежал, ловко прыгая среди пней.

Лопухин осторожно, глядя под ноги, двинулся вдоль еще не тронутого лесного массива. Больше всего Иван боялся, что наступит на гадюку, и потому шел с опаской.

Борис Александрович уже размахивал руками около ближайшего тягача. К нему подтягивался народ. Однако о чем идет разговор, слышно не было.

Иван тем временем вышел поближе к лесоповалу и сделал несколько снимков. Должно было получиться хорошо. Пильщики, крепкие ребята в мокрых от пота гимнастёрках, валили высоченные ели так, будто траву косили. Только и слышалось отовсюду: «Поберегись!!!» И лесной гигант с хрустом и треском ломаемых ветвей рушился на землю. Завораживающее зрелище.

Единственное, чего Иван никак не мог сделать, это обратить на себя внимание хотя бы одного лесоруба, чтобы взять у него интервью. Казалось, что эти ребята не ведают, что такое перекур или перерыв в работе.

В результате, засмотревшись на падение очередной мачтовой ели, Лопухин пропустил громкое «Поберегись!!!», слишком поздно сообразив, что крик этот обращался к нему.

Иван успел только повернуться и увидеть, как что-то темное, страшное, с множеством растопыренных лап, когтистых и жадных, прыгнуло на него сверху! Скрутило! Сжало! Ударило об землю! Да так, что дух вышибло начисто!

И все погрузилось во тьму.

8

В себя Лопухин пришел от того, что ему на лицо лилась холодная вода. Она неприятно затекала в уши и нос. Иван закашлялся, в груди остро отозвалось болью.

В темноте кто-то говорил по-фински. Тягучие фразы на непонятном, совершенно чужом языке. Наконец темнота начала таять, сделалась прозрачной...

Первое, что увидел Лопухин, – это женские руки. Узкая, белая ладонь скользнула по его лицу. Снова холодная вода полилась по лбу, по шее...

Красивые руки. С тонкой, удивительно нежной кожей. К таким рукам хочется прижаться лицом, уронить в них лоб, тяжелый после трудного дня, и чувствовать, как уходит усталость, как мысли становятся легкими, невесомыми...

Потом Иван увидел лицо.

Высокие скулы, глаза светлые, голубые, как небо, и очень бледная кожа. Из-под платка выбивается на высокий лоб прядка соломенных волос.

«Катка? Так она ж блаженная!» – всплыли в памяти чужие слова.

Лопухин смотрел в ее глаза, как смотрят в небо. Высокое, далекое голубое небо, чистое, как в первый день творения. Казалось, что это продолжалось вечность. И уже не ясно было, то ли он смотрит в небо, то ли это небо вглядывается в него этими удивительными глазами...

Иван попытался поднять руку, но в груди снова кольнуло.

– Лежи... Не шевелись... – Ее голос звучал странно. Каждое слово она будто подбирала в каком-то словаре и старательно проговаривала по транскрипции.

В поле зрения появился Маркко.

– Как чувствуешь себя?

– Ничего, – прошептал Иван. – Что случилось?

Маркко пожал плечами. Вид у него был изнуренный, бледный.

– Если считать, что чудес не бывает, то случилось то, что бывает один раз на миллион.

А если по-другому, то чудо.

– Не понял, – Лопухин поднял руку, потрогал грудь, где болело.

Девушка осторожно отвела его пальцы. Ее ладошка была на удивление горячей и сухой. От этого прикосновения по телу разливалась звенящая легкость, хотелось прижаться к ее рукам и заснуть.

– Тебя деревом завалило, – сказал председатель.

– И что?

– Не понимаешь? Для лесоруба упавшее дерево – верная смерть. Мало того что весом все кости раздробит, так еще и сучьями проткнет. Страшная смерть.

– Но я же жив?

– Жив, – Маркко кивнул. – Это и есть один на миллион. Чудо.

– А болит... – Иван снова попытался коснуться груди.

– Еще бы. И долго болеть будет. Сук точно в сердце шел. Да вот... Повезло.

– Как это? – Лопухин похолодел, представив себе, как огромное бревно вбивает ему обломанную ветку в грудь.

Председатель поднял на цепочке что-то металлическое, смятое.

– Я цепочку сам приладил. Она у тебя в кармане ловко оказалась. К месту.

Лопухин сощурился, приглядываясь.

– Это ж дед мне подарил. Йусси...

– Он самый, – Маркко присел рядом с Иваном на кровать, протянул подарок. – Футлярчик расколотило. А рунный камень внутри цел. Он весь удар на себя и принял. Наши как увидели – не поверили. Сук в щепу. А тебя самого в мох вдавило. Тоже везение. Почва мягкая

попалась, болотистая. На том месте сейчас хоть статую отливай, форма такая в земле. У нас это называется – второй раз родился.

Лопухин не нашелся что ответить, а Маркко вложил в его руку амулет.

– Носи при себе. – Он встал и направился к выходу. – Полежи еще, в себя приди. Кости целы, а все остальное ерунда. Катти последит. Если что надо, спроси у нее.

– Катти... – одними губами прошептал Иван и, встретив чуть встревоженный взгляд голубых глаз, улыбнулся.

Она положила ему ладонь на лоб. От этого боль в груди чудесным образом отодвинулась, стала тише, незаметней. Иван улыбнулся, да так и заснул.

Проснулся он вечером.

В углу на небольшом столике горела маленькая лампа с зеленым бахромчатым абажуром. Света она давала немного, но достаточно, чтобы осмотреться. Рядом с кроватью стоял стул, на котором сидела, подперев голову ладонью, Катти. Кажется, она спала.

Осторожно, чтобы не разбудить девушку, Лопухин откинул одеяло и сел. Грудь уже не болела так остро. Иван поискал брюки, но не нашел. Вставать же в одних трусах было как-то неудобно. Лопухин растерянно озирался, не зная, что делать.

Катти вздрогнула и проснулась.

– Я не хотел вас будить, – почему-то прошептал Иван. – Мне надо... Ну, выйти...

Девушка попыталась его уложить, осторожно коснувшись плеча. Но Лопухин отвел ее ладони.

– Мне надо выйти, – снова повторил он, чувствуя, что начинает краснеть. – Где моя одежда?

Она на мгновение задумалась. Затем кивнула, встала и вышла.

– А?... – начал было Иван, но затем увидел, что вся его одежда аккуратно висит на спинке стула. – Понял...

Одеваясь, Лопухин чувствовал, как ноет от любого движения отбитая грудь и болят мышцы, словно он без разогрева толкнул тяжеленную штангу.

– Ничего, – шептал Иван, постанывая. – Ничего...

Так он чувствовал себя, когда впервые пришел на свою первую тренировку по боксу. Тренер, скептически посмотрев на щуплого «клиента», поставил его в пару с плотным здоровяком, который устроил новенькому примерно-показательное выступление, раз за разом вышибая из Ивана дух. Однако Лопухин, каждый раз поднимаясь с пола, неизменно вставал в боксерскую стойку, как он ее тогда себе представлял.

– Упрямый, – вздохнул тренер. – Приходи через неделю, если не передумаешь.

Иван не передумал. Но к вечеру слег в кровать. Болело все.

Так что теперь Лопухин мог с уверенностью сказать, что бывало и хуже. Первые острые боли прошли, дырок в теле не было, а остальное не страшно.

Он вышел из комнаты. В избе было темно. Никого из хозяев Иван не увидел, а потому осторожно, вдруг спят, выскользнул на улицу. Светлое небо, парочка самых ярких звезд едва виднеется на небосклоне. Тихо и спокойно.

Перед тем как двинуть в сторону сколоченного из неструганых досок нужника, Иван постоял на пороге, разглядывая небо.

– Завтра обязательно надо будет к озерам сходить. Обязательно... – бормотал он, возвращаясь. – В лес больше не полезу...

В доме горел свет.

Лопухин приоткрыл дверь. Вошел.

За столом сидел Маркко. Нехитрая закуска, бутылка водки и два стакана говорили сами за себя. Председатель кивнул на стул напротив.

Лопухин присел, чувствуя некое смятение. Словно тут должно было произойти что-то особенное. Важное.

Маркко ни слова не говоря, разлил водку по стаканам. Выпили не чокаясь. Словно на поминках.

Водка ухнула в желудок, сжигая все на своем пути. Сразу захотелось есть, остро, по-звериному.

Иван схватил кусок черного домашнего хлеба, вдохнул полными легкими его душистый, глубокий запах и некоторое время сидел так, погрузившись в благоухание и ощущая, как расходитя по телу расслабляющая волна.

Маркко пододвинул к нему тарелку с домашними, сочными колбасами.

– Закусывай. – И тут же налил по еще одному стакану. – Давай...

Снова не чокаясь. Однако теперь водка легла уже по-другому, мягко разлилась, словно первый стакан был подготовительным, и только сейчас алкоголь проявил все свои свойства.

«Верно говорят, между первой и второй перерывчик небольшой, – подумал Лопухин, переводя дыхание. – Не зря!»

– Тебе завтра уезжать, – глухо сказал Маркко, потом неожиданно спохватился: – Извини, что я на «ты» перешел...

– Ничего... – начал было Иван, но Маркко не обратил внимания.

– ...просто так уж вышло, что ты как бы... Как бы... – Председатель замолчал, будто бы запутавшись в словах.

– А почему завтра уезжать? Я думал еще...

– Завтра уезжать, – махнул рукой Маркко. – Сам все поймешь утром.

Лопухин решил не спорить. Тем более что даже председатель ему не указ, когда и куда ехать. Не милиционер, поди.

– Жалко, что так вышло... – пробормотал Маркко.

– Ты про что?

– Про деда.

– Йусси?

– Да. – Маркко заулыбался как-то странно, по-детски. – Когда все начиналось только, он не против был. Колхозы. Чтобы работа была. Единственно, не любил, что лес валят. Потому и к лесопилке плохо относился.

– А бензопилы потому взял? – Сказать «украл» не повернулся язык.

– Не брал он, – Маркко пьяно усмехнулся. – Не брал. Он вообще никогда чужого не брал.

– А как же?..

Председатель снова усмехнулся и налил еще водки.

– Я тебе лучше расскажу одну легенду. В наших лесах куда ни ткни, а в какую-нибудь историю попадешь. Только никогда не знаешь в какую. Вдруг страшная... – Он выпил. Закусил каким-то легкомысленным листочком. – Жил да был в наших краях один колдун. Самый настоящий. С ветром разговаривал да с брусникой на болоте дружил. Все люди вокруг к нему советоваться ходили. Если заболел кто или там вопрос какой-нибудь сложный. Так этот колдун всегда помогал. Никому от него отказа не было. Разве только какие злые люди к нему приходили, но таких мало совсем на белом свете живет, чтобы ни капли добра в сердце не имели. И был у колдуна сын.

– Это как-то нетипично, – прокомментировал Иван. В голове шумело от водки.

Маркко улыбнулся.

– Я ж говорю, сказки местные, они очень странные бывают. Так что у колдуна нашего был сын. И вышло так, что сын этот полюбил одну девушку с дальнего-дальнего хутора. Красивую. Очень красивую девушку. И женился на ней. Хотя отец и был против.

– Почему?

– Потому что колдун. Сказал, что не будет счастья, не будет. А только разорение. Не потому что девушка плохая, просто... Так вот вышло. Про судьбу говорил... Но вот ведь как получилось, что все советов колдуна слушали, а сын не послушал. И ушел из дома. Поругался и ушел. Крепко поругался. Женился. И детей родил. И жил долго и счастливо! А колдун умер! – Последние слова Маркко буквально выкрикнул. – Вот такая сказка, со счастливым концом.

– Что же, – Иван, видимо от выпитого, никак не мог сообразить, к чему вел председатель. – Получается, колдун неправ был?

– В том-то и дело, что прав, – ответил Маркко, снова наливая стаканы. – Ты пей-пей и ешь. Теперь не скоро получится так хорошо покушать. Не скоро...

– Погоди... – Лопухин опрокинул стакан. Зажмурился. Охнул. – А как же прав он был, если все хорошо у сына сложилось? Что-то напутал ты. Или колдун ошибся, или у сына не все так хорошо...

– А эту историю кто как рассказывает. У нас от одного конца деревни до другого пройдем, везде по-разному. Кто-то говорит, что жена сына, та самая красивая-красивая девушка, умерла при родах. И дети с ней. А кто-то, что дети живы, да мать их в лесу сгинула. А еще слышал, что у нее двойня была и умерла она, когда второго ребенка рожала. Вот так-то. А значит, правду колдун сказал. И пришло в тот край разорение и беда.

– Почему ж разорение?

– Потому... Война приключилась. Как колдун помер, так и приключилась. Все по его...

– Ну, войны, они от колдунов не зависят.

– И я так думаю! – Маркко грохнул кулаком по столу. – Не зависят от колдунов войны! И беды! И судьба людская! Все в руках... людских.

Он посмотрел на свои ладони. Потом на Ивана.

– А мне так, знаешь, нравится первая история. Что жили они счастливо! И все тут! – Он улыбнулся, жалко, с болью. – Хотя, наверное, правы все. Это уж как поглядеть. Жили, может, они хорошо да радостно. Пока смерть не пришла. А вслед за ней и война... А колдун ушел в другой мир. Как это у них, у волшебников, заведено. – Председатель выпил еще водки и пробормотал: – Счастливо, да не долго... – Он встряхнулся. – Ты вот что, – вдруг его тон сделался деловым. – Завтра особенно за Катти не беспокойся. У нее родня живет. Хоть и далеко, но все-таки... Впрочем, завтра тебе не до того будет. – Он поболтал бутылкой. – Давай еще. Допьем.

– Голова болеть не будет?

– У меня? – Маркко засмеялся. – У меня точно не будет.

9

Поутру Маркко повесился.

Оделся в чистое.

Натянул прочную веревку в сенях, подставил табуретку, толкнул ее ногами.

И все.

Ивана разбудил Борис Александрович. Голова раскалывалась с похмелья. Лопухина мутило. Хотелось пить. В голове бродил дурной хмельной угар.

Молчаливый и хмурый заместитель председателя протянул Ивану одежду.

– Случилось что? – Лопухин глянул в окошко. На востоке едва-едва поднялось солнце.

Во дворе суетились какие-то люди. Рычал грузовичок.

– Случилось. Одевайтесь. Надо проехать тут... В общем...

– Мне плохо...

– И мне плохо. И всем сейчас нехорошо... – Борис Александрович тяжело вздохнул. – Одевайтесь... К сожалению, очень надо.

Выйдя в сени и увидев, как сноровистые мужички распутывают узел на вздувшемся лице Маркко, Иван рванулся к ближайшему ведру.

Прочистив желудок, он отдышался.

– Что это?

– Повешенный, – лаконично ответил Борис. – Вот, читали?

И он протянул Ивану листок бумаги.

Лопухин пробежал глазами убористые, не без ошибок, строчки.

– Про какого отца он говорит? Я не понимаю...

– Про старика Йусси, – ответил Борис.

Тело Маркко вынесли на улицу. В дом заглянул усатый Пекко, хмуро посмотрел на Ивана и вышел.

– Погодите... Так... Так это был его отец?! – Иван вскочил, но его снова замутило. – Как же... А эта девушка?

– Катти? Его дочь. Все, что осталось от жены, которая умерла при родах.

Иван сел на лавку, обхватил голову руками.

– Боже мой... Зачем же... Он мне рассказывал...

– Что рассказывал?

– Сказку. Значит, он про себя рассказывал. Черт побери! И колдун этот... И...

– Колдун?

– Ну да, колдун... Я так понимаю, что отец его. Йусси...

Борис Александрович пожал плечами.

– Да, разное говорили про него... Всякие побасенки... – Борис осторожно выглянул в дверь. Затем вернулся к Ивану и заговорил шепотом: – Прежде чем мы отсюда поедем в управление, быстро, быстро скажите мне, что он вам вчера говорил! Давайте, давайте, это важно! Ну же!

– Говорил, – Иван почему-то ощутил беспокойство. – Говорил, что... Ну, сказку рассказывал, про колдуна и про всякое... Ну, я так понял, что про свою жизнь. Просто форма такая. Потом... Еще наливал...

– Кто-то с вами был еще? Кто-то был?

– Н-нет. Не было. Точно не было. Вы у Катти спросите. Хотя я и ее не видел.

– Да ее еще найти надо...

– Знаете, мне кажется, он давно все решил. Вчера говорил так, будто прощался. Я ему, мол, голова болеть будет. Он же подливает и подливает, а Маркко в ответ, мол, у меня ничего не будет...

– Вот! – Борис Александрович поднял палец. – Так и говорите всем. Понятно? Спрашивать будут, а вы, соответственно, отвечайте, мол, из разговора было ясно, что запланировал все заранее. Про дочку говорил?

– Про дочку?

– Ну, про Катти эту, чтоб ее черти сожрали, говорил?

– Ну да, что-то вроде: не беспокойся за нее, дескать, не пропадет. Родня какая-то.

– Вот, про родню не надо.

– Почему?

Борис Александрович снова посмотрел на дверь. И понизил шепот до еле слышного:

– Потому что родня у нее по ту сторону границы, соответственно. Понятно?

– А... А как же он председателем стал?

– Как-как! Вот и Пекко этот, идиот, тоже будет этим вопросом задаваться. Как, да что, да кто рекомендовал?.. Я рекомендовал, понятно? Я. Потому что колхоз поднимать надо было, потому что люди в него пошли только после того, как я Маркко председателем поставил. Кого мне еще пихать? Себя? Так я русский, нельзя... Могу только замом или еще как... Чтоб приглядеть был. А у него авторитет! Черт...

Во дворе раздались шаги.

– В общем, – затараторил Борис, – в общем, запомни, запомни, что я сказал! – Он разошелся и громко произнес: – Ну что, полегчало? Водички еще налить?

– Нет, – тускло ответил Иван. До него медленно, сквозь перегар и муть, стал доходить шекспировский масштаб трагедии, которая разыгрывалась в карельской глуши.

Вошел Пекко.

– Можете ехать?

Иван кивнул.

Они долго тряслись по лесной дороге. У Ивана дико болела голова, его мутило. Высокие деревья и бесчисленные лесные озера уже не казались Лопухину чем-то таинственным и волшебным.

В управлении следователь нудно заполнял бумаги. Тянул время, поглядывая на сидящего напротив Ивана. Тот особенно не торопился и даже не удивился, обнаружив у себя в ногах собственный вещмешок, а в нем все свои вещи. Видимо, Борис Александрович предусмотрительно подсуелился, вложив для верности армейскую фляжку. На опохмел.

В кабинете что-то бормотала радиоточка.

– Ну что ж, давайте поговорим, – с чуть шепелявым финским акцентом начал следователь. – Что вам говорил председатель Маркко Поолуксе про своего отца?

– Он не говорил о своем отце как об отце. До сегодняшнего дня я даже не знал, что старик Йусси его отец, – Иван старался не смотреть на Пекко.

– Что конкретно говорил убитый...

– Как, простите?

Следователь непонимающе посмотрел на Ивана.

– Вы сказали, убитый?

– Да. И что?

– Это же было самоубийство...

– Возможно, – Пекко недовольно заглянул в бумаги. – Но...

Иван перестал его слушать. Что-то тревожное царапнуло его слух. Опасное. По-настоящему опасное.

«Что я тут делаю? Беседую с этим идиотом... Ведь видно же, что идиот...»

И тут, удивительным образом, за болтовней финского выскочки, Лопухин услышал...

Он вскочил, двумя длинными шагами пересек кабинет и повернул рычажок радиоточки.

«... в пять часов тридцать минут утра, после того как военные действия уже были начаты, посол Германии в Москве фон дер Шуленбург от имени его правительства передал мне как Народному Комиссару Иностранных дел ноту, в которой говорится, что немецкое правительство начинает войну против СССР. В ответ на это я заявил, что...»

Внутри все оборвалось. Будто бы сердце ухнуло в пустоту, да так и не достигло дна.

«Все! – металась лихорадочная мысль. – Все! Началось!»

– Это было самоубийство, – решительно сказал Лопухин замершему Пекко. – Самоубийство.

И вышел за дверь. А у финского следователя появились более серьезные заботы, нежели смерть председателя какого-то колхоза....

10

– Иван! – Главред был бледен. В кабинете накурено. – Иван, как хорошо, что вы наконец вернулись! Почему так долго?!

– Так я ж в командировке был, Георгий Васильевич, – Иван развел руками.

– Лопухин, у нас людей не хватает! Не хватает людей! Во как! – Шукшин резанул себя ладонью по горлу. – Во как не хватает!

– Георгий Васильевич... – попытался перебить начальство Лопухин, однако это было не так просто.

– Каждый час на счету, каждый день! Все бросай, все потом, все успеешь, сейчас другое важно...

– Георгий Васильевич! – Иван поднял руку и помахал бумажкой. – Я попрощаться пришел.

– Что?! – Шукшин одновременно схватился за лоб и за сердце. – Что?!

– Прощаться. На фронт я...

– Какой фронт? Какой такой фронт?! Иван! Опомнитесь! Вы ж меня без ножа режете!

– Ну... – Лопухин развел руки в стороны. – Война же, Георгий Васильевич...

В кабинете громко затрещал телефон.

– Стой, Лопухин! Стой, никуда не уходи! – Главред ткнул пальцем в Ивана и поднял трубку. – Да! Нет! Ну, откуда у меня люди?! Откуда? Чтоб я их еще посылал... Куда? – Шукшин искоса посмотрел на Ивана. – Ну, не знаю. Раз вы говорите... Я сформирую. Да. Хорошо. Выделю. Из наших резервов. Конечно. Добровольцы. Да. Спасибо... – Он положил трубку на рычажки. – В общем так, Лопухин. – Георгий Васильевич сел в кресло, пригладил остатки волос на обширной лысине. – Поедешь на фронт.

Иван положил перед начальством листок из военкомата. Тот брезгливо взглянул на бумагу.

– Военкором поедешь!

11

– Ваня! Ваня! Погнали, срочно! – Колобков, молодой парнишка, которому очень подходила его фамилия, кругленький, румяный и весь какой-то озорной, влетел в палатку, где Лопухин, сжав зубы, старательно драил щеки тупой бритвой. Густой слой мыльной пены помогал не сильно. Щетина у Ивана росла жесткая, колючая, сбивалась с трудом и только при хорошей распарке. В полевых условиях бритье превращалось в натуральную пытку.

– погоди, – пробормотал Иван. – погоди, Дима...

Он с трудом обработал только одну щеку, теперь предстояло заняться второй.

– Да потом добреешься, тоже мне нашелся щеголь! – возмутился Колобков. – Я тебе дело нашел! Можно сказать, золотое дело!

Иван тяжело вздохнул.

– Лучше бы ты нашел мне того, кто бритву может выправить. Ну что там?

– Танк! – Колобков развел руками и сделал страшные круглые глаза. – немецкий танк!

Лопухин хмуро покосился на товарища.

– Ну и?..

– Ну и тупица ты, Лопух! – Колобков хлопнул себя по бедрам. – Наши танк приволокли! Взгляни! Трофей! Понимаешь?! Сечешь? Товарищ старший политрук!

– Секу... – Иван зажмурился и одним движением закончил бритье. Щеки обожгло как огнем, и он тут же погрузил лицо в таз с холодной водой.

Из палатки Лопухин выскочил отфыркиваясь и тряс головой. Колобков был уже за рулем редакционного грузовичка и дернул с места, как только Иван запрыгнул на сиденье.

– Э! – Лопухин ухватился за борта. – Ты думай, что делаешь! Колобок! От бабушки ушел...

– Ладно, ладно! – На «колобка» Дима не обижался, привыкнув к этому прозвищу еще в детстве. – Зато будем на месте самыми первыми! Представляешь?! Танк!

– А где это? – Иван, поправил ремень, гимнастерку и сдвинул в сторону, чтобы не мешала, кобуру с «наганом».

– Да недалеко вообще, в районе Слонима уже...

– погоди! – Иван вздрогнул. – Как около Слонима? Это ж рядом совсем, еще вчера под Гродно бои шли! Ты не путаешь?

– Может, и путаю чего, – легко согласился Дима. – Ты ж понимаешь, слухи. Фронт рядом. Все меняется постоянно. Наши наступают. План товарища Павлова подразумевает быстрый, – Колобков выбросил руку вперед, словно демонстрируя стремительность контрнаступления, – переход от войны оборонительной к войне наступательной и перенос боев на чужую территорию. Так что все меняется постоянно. Потому надо спешить, чтобы успеть.

– Так ведь... – Иван вытащил карту, разложил на коленях. – Все равно Слоним рядом... А фронт дальше... Я чего-то не понимаю, Дима.

– Ну, Сафронов говорил, что вроде на тягаче притащили. Может, захватили и приволокли. Да не важно это, Ваня. Ты пойми, танк сейчас в Слониме. Я вот слышал, наша «двадцатьшестерка» приволокла с собой наш подбитый танк и еще немца.

– Не приволокла, а подбила... – пробормотал Лопухин.

– Ну, не знаю. Может, и подбила, но Сафронов говорил, что приволокла.

– Враль твой Сафронов, – скривился Иван.

– Это тоже, – легко согласился Колобков. – Но почему-то новости у него всегда свежие. Иван ничего не ответил.

Он прибыл на фронт совсем недавно. Успел сделать несколько очерков, расспросить бойцов, но на передовой пока не был. Любое начальство, к которому обращался Иван, футболило

его с глаз долой из сердца вон. Поняв, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, и с некоторым смущением чувствуя мальчишеское «так и повоевать не удастся», Лопухин со своим коллегой и другом принялись колесить из части в часть, стараясь все больше и больше сдвигаться в сторону передовой.

Они даже не предполагали, с какой стремительностью война двигалась в их сторону.

12

– Повернули мы туда? – хмуро поинтересовался Колобок, рассматривая пар, валящийся из радиатора.

– А черт его знает... – Иван тупо пялился в карту. – Тут же ничего нет... Никаких указателей. Как специально сняли.

– Следопыт... – пробормотал Колобок. – Делать теперь чего?

– Ну, – Иван выбрался из машины, – воду бы найти надо. Зальем холодненькой. И до поворота...

– До какого поворота?!

– Ну, если смотреть по карте, то впереди поворот...

Колобок только головой покачал.

– Странно, что ни одной встречной нет. Ерунда какая-то. – Он вздохнул. – Ладно, пошли воду искать.

Они вытащили из-под заднего сиденья канистру и двинулись в лес.

Отходить далеко от дороги друзья опасались. Леса в этих краях были густые, непролазные. Однако воду нашли. Иван споткнулся о какую-то коряжину и с треском провалился в кусты. Вместо звучного удара раздался плеск.

– О! Водичка! – обрадовался Колобок и полез в кусты. – Ты как там, живой?

Водичкой оказалась маленькая, неглубокая речушка. Практически ручей, впадающий в Щару, которая, в свою очередь, питала Неман. Лопухин, мокрый насквозь, ругался под нос, а настроение Колобкова заметно поднялось. Он даже шутил и на обратном пути рассказывал анекдоты.

Иван взял у Димы канистру, открыл.

– Ты чего? – удивился Колобок.

– Думаю вот, что мокрый сухого не понимает...

– Э... – Дима сделал шаг назад. – Ты не дури... Вода для радиатора нужна!

Иван догнал его только у машины.

Немного остывший, но все еще горячий радиатор довольно заворчал, когда в него полилась холодная вода.

– Ладно, как-нибудь доедем, – Колобок махнул рукой. – Давай, Сусанин, веди!

Иван тем временем выжал гимнастерку и кое-как оттер штаны от грязи.

– Прыгай уже! – поторопил его Дима. – Не на свидание. Вполне боевой вид. Лишь бы никто не подумал, что ты обмочился...

Лопухин сжал зубы и забрался на сиденье. Холодная ткань неприятно касалась тела.

А буквально за следующим поворотом была война...

Участники тех событий, кто выжил, называли дорогу на Слоним Дорогой смерти. С небольшой возвышенности, на которую выскочили из леса Лопухин с Колобковым, была отлично видна почти вся трасса. Брошенная техника. Дымящиеся машины. Несколько танков, глядящих пушками в землю. Большой санитарный грузовик с ослепительно-белым, а потому нереальным тентом, развевающимся на ветру. Страшный парус...

– Не понял, – пробормотал Колобок. Осторожно они подъехали ближе. – Бомбежка, что ли?

Действительно, вокруг уничтоженной колонны дымились воронки.

– А почему убитых нет?.. – Лопухин крутил головой. – Что за ерунда?

– Есть... – тихо отозвался Дима. – Есть...

Убитые действительно были.

Они лежали по другую сторону от медицинского грузовика. Жуткая, невыносимая куча мала, из которой высовываются окровавленные руки, ноги... Многие были перевязаны, в бинтах.

– Их убили! – с какой-то детской обидой воскликнул Колобков. – Раненых убили! Всех... Лопухин метался между уничтоженными машинами.

Мертвых, таких незаметных поначалу, было много. Очень много. Водители, конвой, танкисты. Застреленные, сгоревшие, разорванные... Кровь. Гарь. Пепел.

На какой-то момент Лопухин потерял счет времени. Он носился от одного танка к другому, тормозил неподвижные тела, пытался кого-то поднять. Заглядывал в кузова грузовиков. Кричал. Звал. Зачем-то собирал оружие. Пытался копать могилу для какого-то лейтенанта, почему-то показавшегося таким знакомым.

Это была его первая, но далеко не последняя встреча со смертью. И ему можно было простить эту истерику...

Иван пришел в себя, только когда на него навалился всем весом Колобков. Лопухин забился, заверещал, как заяц, попавший в лапы к лисе.

– Ванька! Ванька! – орал чумазый Колобков в лицо Ивану. – Ванька!!! Там живой! Живой там!!! Спрятался...

И как выключилось.

Как оборвалось.

Истерика ушла, словно бы и не было. И только сосредоточенность, спокойная и отчетливая. Будто бы и дышать стало легче.

– Живой там... – Дима тянул Лопухина за собой. – Там...

Это был танкист. Капитан.

Диму спасло только то, что раненый боец расстрелял весь боезапас. Сначала из «ППШ», а потом и из «ТТ»... Капитан, контуженный, со страшной, рваной раной на спине, щелкал и щелкал курком, целясь в Колобкова.

– Капитан! – Иван осторожно вынул из рук раненого пистолет. – Капитан! Свои...

Вместе, осторожно, они выволокли бойца из-под подбитого танка.

Капитан скрежетал зубами и стонал. С губ его текла слюна, перемешанная с кровью.

– Слышишь меня? Слышишь?

Иван попытался вытащить из кармашка гимнастерки документы танкиста. Однако тот, будто повинаясь рефлексу, ухватил его за руку. Лопухин встретился глазами с раненым. Страшные, расширенные зрачки.

– Звери, – прохрипел капитан. – Звери! Слышь меня? Звери! Это были звери! Понимаешь?! Звери! Я троих, троих убил, троих! В упор! Вот так! – Он поднял руку и принялся яростно сжимать пальцы, словно снова и снова всаживая пули кому-то в грудь. – Не падают, не падают... Встают! Троих!

– Тихо, тихо... – Колобков нашел перевязочные пакеты и пытался закрыть рану на спине капитана. – Сейчас все будет хорошо. Все будет в порядке.

– Ничего не будет, – вдруг ясно и без надрыва сказал танкист. – С воздуха... Вы передайте. На Слоним не надо идти. Там ничего уже нет. Вы передайте... – Он говорил все тише и тише, сжимая в пальцах, покрытых коркой засохшей крови, документы. Как в Священное Писание, вцепившись в партбилет. – Мосты...

Капитан вдруг заулыбался, сразу став моложе. Будто встанет сейчас, отряхнется...

Только глаза сделались стеклянными и неживыми.

Лопухин осторожно закрыл глаза мертвому. Колобков сидел, зажмурясь.

– Что он говорил? – спросил Иван. Голос оказался вдруг хриплым и грубым. – Про зверей?

– Бредил. – Колобков поднялся. – Бредил, наверное. Контузило ведь... Да и крови потерял... У него спина располосована вся. С воздуха, говорит...

– Десант?

– Может, и десант...

Они отошли от разбитой колонны. Вернулись к машине.

– А делать-то чего?

– Назад надо возвращаться. Сообщить... – Колобков с тоской посмотрел в небо. – И вечер скоро... Вот дурная ситуация.

– Еще бы знать, куда мы заехали. Не могли мы Слоним так просто проскочить.

– Чего бы это не могли? Легко. Леса тут сам видишь какие... Не туда свернул и привет! Колонна на Слоним шла. А мы с тобой черт знает как, но обошли его стороной. Той же дорогой назад возвращаться? – Он посмотрел на приборную панель. – Топлива не хватает.

– А по этой нельзя. Если десант был, и капитан говорил...

– Да что капитан? Бредил он, поди. Откуда ему знать?..

Дима швырнул пилотку на землю. Сел рядом с машиной.

– Вот влипли...

– Возвращаться надо. Как хочешь, но возвращаться. Сообщить надо. Если десант, они тут могут таких дел наделать! Страшно подумать.

Колобков встал:

– Пошли. Посмотрим, может, в баках горючка осталась.

Они обошли все машины. Однако даже беглого осмотра оказалось достаточно, чтобы понять: топлива нет. Изрешеченные топливные баки не оставляли никакой надежды.

– Ладно, – махнул рукой Лопухин. – Есть два варианта. Повернуть назад и не доехать или рвануть вперед. Найти там помощь, горючку, сориентироваться, и тогда уже назад. Риск есть, но передовая дальше. Точно дальше! И мы успеем.

Колобков задумался, потер ладонями лицо.

– Черт...

– Давай решайся. В конце концов, мы же военкоры!

Дима вздохнул.

– Ну, давай...

Это решение, несмотря на откровенную авантюризм, спасло им жизнь. Городок Слоним был взят немцами. Все коммунисты расстреляны. А часть, в которой находились военкоры, спешно отходила на север, чтобы через два дня влететь в котел вместе со всем Западным фронтом.

13

Они успели отъехать лишь несколько километров от расстрелянной колонны. Через разбитую бомбами дорогу, через брошенную технику. Через странную, пугающую тишину, которой не может быть на войне. Будто бы несколько часов назад прямо тут люди не убивали друг друга, не рвались снаряды, не визжало небо, падая на стриженные затылки солдат, не вздрагивала земля от страшных ударов. Будто не было ничего. Только стоят грузовики. Только дымятся остовы того, что когда-то называлось танками. Только лежат... лежат люди. И тишина. Мертвая, невозможная тишина. Какая бывает только на войне. В изуродованном пространстве, где может быть все – и самое страшное, и самое великое...

Они успели отъехать всего несколько километров. Может быть, десяток – жутких, кошмарных километров. И через много-много лет Колобкову будет сниться эта дорога. Молчащая дорога, где не слышно даже птиц и цикад... мертвая дорога. И Дима будет просыпаться в крике, в поту. В ужасе от того, что все это не вымысел, от того, что все это ему довелось пережить. Увидеть. Почувствовать.

Но это позже... Позже...

А сейчас они просто ехали, с черепашей скоростью объезжая препятствия. И позади них один из черных крестиков, облетающих небосвод где-то там, далеко-далеко у горизонта, вдруг вздрогнул. Ушел в сторону. И начал приближаться. Увеличиваясь в размерах. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее... Стремительно вырастая из мелкой чернильной пометки на бумаге неба в страшный черный крест, заставляющий дрожать землю своим надсадным гулом, переходящим в пикирующий визг.

Первым услышал приближающийся самолет Иван. Он завертел головой. И когда увидел, откуда приближается звук, все, чему его учили, вывалилось из головы. Потому что с небес на них падала хищная черная смерть.

– Димка! – гаркнул Иван.

И было в его голосе что-то такое, от чего младший политрук Колобков ударил по тормозам. Толкнул дверцу и вывалился к черту из грузовичка. Следом за ним прыгнул и Лопухин.

Что было сил они побежали от обреченной машины. А с небес уже слышалось: «Та-та-та...» – и на дороге уже взлетали пыльные фонтанчики. Грузовичок задрожал, словно живой, когда тринадцатимиллиметровые пули прошли его корпус. «Мессершмитт» пронесся над дорогой, вдавливая все живое в землю ревом и грохотом и оставив за собой развалину, некогда бывшую редакционным грузовиком.

Летчик посчитал, что этого будет вполне достаточно, и не стал делать дополнительный заход, вылавливая двух маленьких человечков. Достаточно уже и того, что ему удалось уничтожить технику.

Черный крест снова начал удаляться. Делаться маленьким. Нестрашным.

– Сука! – орал ему вслед Лопухин, потрясая неведомо как оказавшимся в руке «наганом». – Сука!

Неподалеку из воронки выбрался Колобков.

– Вот тебе и съездили... – проворчал он, отряхиваясь. – Ни черта не понимаю. Откуда они тут вылезли? Что вообще делается?

Лопухин плюнул. Спрятал револьвер. Отряхнулся.

– Да бес его знает, что делается! Может быть, прорыв. Или еще что-то.

Вместе они исследовали грузовичок. Дима даже не стал открывать искореженную крышку капота – все и без того было ясно. Закинув вещмешки за спины, военкоры молча потопали по дороге дальше.

Через пяток километров сделали привал. Солнце цеплялось краешком за далекий лес. Тени удлинились, но жара по-прежнему стояла невыносимая.

– Слушай, Дим... – Иван разминал натруженные ноги. – А если на немцев нарвемся? Дураки мы с тобой. Надо было хотя бы винтовку взять. Там, где колонна разбитая...

– Или гранату, – устало прошептал Колобков. – Или танк лучше. Прямо на танке и поехать...

Лопухин усмехнулся.

– Идти надо. До темноты еще время есть... А там заночуем в какой-нибудь канаве.

– Давай...

Они поднялись на ноги. И пока солнце не спряталось окончательно за горизонтом, брели по дороге, видя вокруг только смерть и разрушение.

– Не может быть, чтобы вокруг одни мертвые, – шептал Иван. – Не может быть. Чтобы вокруг.

Они несколько раз проверяли сгоревшие машины. Но ничего, кроме трех фляг со спиртом, бидона с водой и ящика с консервами, не обнаружили. Колобков подобрал полупустой «ППШ». Спирт взяли с собой, пустые фляжки наполнили водой. Консервы распахали, сколько смогли, по вещмешкам.

То тут, то там встречались могилы. Свежие земляные холмики. В основном безымянные, иногда с положенными сверху пилотками.

Когда же солнце окончательно спряталось за горизонтом, Лопухин махнул рукой:

– Все. В темноте не пойдем. Черт его знает, что впереди...

Колобков кивнул.

– Костерок бы...

Иван вздохнул.

– Не уверен я, Дим... Я уже ни в чем не уверен. Костерок, конечно, хорошо, но... А если десант тут где-нибудь бродит? Или... Еще кто. До границы – рукой подать.

– Тоже верно. Хотя без огня как-то... – Дима поежился. – С детства темноту не люблю.

– Давай в воронке сложим. Если будет надо, подожжем. А если нет...

– Годится! – обрадовался Дима.

Они облазили окрестные кусты, собрали сушняк, сложили его в одну из широких воронок. Потом, повинувшись неясному беспокойству, обустроили себе огневые точки, превратив воронку в некое подобие дота.

Ночь мягко опустилась на землю.

Зажглись звезды.

И только тут, словно дожидаясь этого мига, за горизонтом надсадно и тяжело ухнуло! Зарокотало! Польшнуло на полнеба!

Нет. Не война.

С запада ползла на восток грозная туча.

14

От дождя укрылись дырявым брезентом, снятым со стоящей неподалеку машины. Ни о каком костре речи уже не шло. Мутные грязные потоки наполняли дно воронки водой. Дрова уже плавали в этой луже, которая медленно, но верно подбиралась к ногам Лопухина и Колобкова.

Стараясь не сильно промокнуть, Иван выглядывал из-под импровизированного навеса. С краев брезента сильно лило. Разобрать что-либо было просто невозможно. И только во вспышках молний, в рваном изломанном свете, удавалось увидеть дорогу, уходящую за холм. Все остальное сливалось с небом – грязь, вода.

– Дураки мы с тобой, Дима! – переждав удар грома, крикнул Иван. Чтобы перекрыть дробь капель по брезенту, приходилось орать.

– Чего это?

– Зачем мы в воронку забрались? Надо было на холм идти. Оттуда обзор лучше.

– И вода вниз стекает, – Колобков кивнул.

– Ага! Прямо к нам! – Иван засмеялся.

Колобкову эта мысль тоже показалась смешной, и некоторое время они дружно хохотали. Вместе со смехом выходил страх. Напряжение. И даже ночь показалась не такой темной.

– Ладно! – крикнул Дима. – Пересидим. Глядишь, не утонем!

Однако Лопухин не ответил. Он напряженно всматривался в темноту.

– Чего там?

Иван пожал плечами.

– Не пойму. Но вроде двигался кто-то.

Колобков осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрой грязи, подобрался ближе. Приподнял край тента стволом автомата.

– Где?

Иван молча ткнул пальцем в темноту.

Оба напряженно замерли.

– Сейчас, молния...

Дима не договорил. Над головой зашипело, мир вокруг вспыхнул, а вслед за этим все потонуло в оглушительном раскате грома. Казалось, что молния ударила не где-то далеко в небе, а прямо тут, над воронкой.

Лопухин с Колобковым скатились вниз, зажимая уши ладонями. Дима провалился на самое дно, в обжигающе холодную воду. Тент просел, вниз полились струи дождя.

Иван ухватил Колобкова за руку и вытянул наверх. Тот, ни слова не говоря, кинулся к краю воронки. Выставил ствол «ППШ».

– Там точно кто-то есть! Есть кто-то! – Его била крупная дрожь. – У куста там!

– Ты форму разглядел?

– Ни черта я не разглядел. Он стоял там... Я вообще, черт, не понял. Будто бы голый он!

– Ждем еще молнию?

– А есть вариант?

Лопухин показал Диме ракетницу.

– Прихватил. Красная.

– Погоди, может, пригодится еще.

Они уставились в темноту.

Снова польхнуло. Но теперь уже дальше, где-то за спиной. В дрожащем свете молнии Иван явственно увидел человеческую фигуру. Грязную, с длинными волосами, спадающими на

плечи. Вспышка искажала перспективу, и от этого казалось, что руки у человека неестественно длинные, тянутся едва ли не до земли.

Последнее, что увидел Иван, – как фигура пошатнулась и вытянула руки вперед.

Дождь утратил свою силу. Начал сдавать. Колобков и Лопухин сидели на дне воронки, по пояс в воде.

– Видел?

Колобков только быстро и часто закивал.

– Голый. И космы как у бабы.

– Может, баба?

Колобков замотал головой:

– Не баба!

С просевшего тента звонкой журчащей струйкой лилась в лужу вода.

Иван осторожно пополз наверх.

Гроза уходила. Вспышки молний виднелись все реже и реже. Рокот грома доносился издалека, словно бы нехотя.

– Не видно ни черта, – прошептал Дима.

– Может, раненый?

– А чего голый?

– Тихо!

Иван прислушался. В темноте чавкало.

– Ходит... – прошептал Дима. – Ходит...

Лопухин вытащил «наган» и с замиранием сердца услышал, как странный человек бормочет что-то... Или нет. Рычит! Хрипит по-звериному, будто и речь родную позабыл! Несмотря на холодный дождь, Ивану стало жарко.

И когда чавканье послышалось совсем рядом, он зажмурился и сжал револьвер обеими руками.

– Ванька! – прошептал Колобков.

И тут тент над их головой обрушился вниз. В воду. Ивана хлестнуло по лицу.

По ушам ударил не то крик, не то рычание. И что-то большое плюхнулось в воду.

Иван, сам не осознавая, что делает, выстрелил несколько раз в темноту. Почувствовал, что чьи-то холодные руки хватают его за шиворот. И тянут! Тянут!

– Ванька! Бежим!

Это Колобков вытягивал Ивана из ямы. Где ворочался запутавшийся в мокром брезенте голый человек.

Как Лопухин выбрался из воронки, он помнил с трудом. Застряла в памяти только бешеная гонка, неведомо куда, в темноте. Какие-то ямы, куда то и дело проваливался Иван. Какие-то кусты. Больше всего Лопухин боялся потерять Колобкова, а потому вцепился ему в локоть и бежал, бежал!

Так они и неслись сломя голову, пока не рухнули, тяжело дыша. Колобков перекатился на живот и выставил автомат перед собой.

– Чего ж не стрелял? – переводя дыхание, спросил Иван.

– С предохранителя не снял. Представляешь?

Так они и лежали, до утра.

15

Солнце встало из-за далекого леса, свежее, умытое, радостное. Будто и не было ночной грозы, будто и не было войны. Вместе с солнцем проснулись птицы, и каждая громко радовалась тому, что пережила ночь, что встречает новый восход. Каждая маленькая птаха, каждая маленькая божья тварь пела от восторга, и только два человека, едва живые, лежали на холме и покрасневшими глазами всматривались в место, где вчера заночевали.

– Тихо вроде, – пробормотал Колобков. Он выглядел плохо. Лицо осунулось. Под глазами наметились темные круги. Диме казалось, что каждая жилка в теле дрожит, колотится. Во рту было сухо, шершавый и распухший язык едва ворочался.

– Подождем еще и проверим, – ответил Лопухин.

– Ага.

– Воронку вроде до краев залило...

– Нет. Кажется, это брезент так лег... Не вижу, – Колобков потер глаза. – Глаза болят.

– У меня тоже... Ну что, пойдем?

Дима только кивнул.

Они поднялись и осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрой траве, двинулись вниз.

После ночной грозы все вокруг заиграло новыми красками. Трава казалась особенно зеленой, сочной, влажная земля набухла.

– Смотри... – Колобков кивнул в сторону.

Иван повернулся и увидел большую, с оплывшими краями яму, наполовину залитую водой.

– Могила, что ли?

– Какая к черту могила, вокруг посмотри!

Лопухин огляделся и только сейчас увидел... Травы вокруг не было. Только мокрая земля, превратившаяся в грязь. Эту землю будто бы месили. Как пекарь месит тесто. Но только... ногами. Грязь вокруг была испещрена сотнями следов.

– Без ботинок... – прошептал Колобков. – Без ботинок.

И действительно, вокруг них были следы босых ног.

– Ерунда какая-то. Чего ж он тут натоптал?

– Хреновый из тебя следопыт, Ваня. Ты присмотришься... Ноги разные. Размер...

– Бред, – Лопухин растерянно озирался.

Колобков кивнул.

Иван осторожно подошел к краю огромной ямы. Ему показалось, что следы идут именно оттуда. Вытянув шею, он заглянул через край. Там, в мутной белесой воде, что-то плавало. Словно там варился огромный суп, который еще не закипел...

Лопухин пригляделся. И обмер!

– Мертвые...

Голыми белыми телами было завалено все дно ямы.

Иван осторожно отступил назад.

– Что там? – Колобков оказался сзади так неожиданно, что Лопухин вздрогнул.

– Фух! Черт тебя подери... Трупы там.

– А я в воронку заглянул.

– И?

– Пусто. Воды действительно чуть ли не до краев. Брезент плавает. Никого. Следы опять же. Натоптано, – Дима вздохнул. – Спирт пропал. Одна фляга осталась. Хочешь? – Он протянул Лопухину помятую флягу.

Иван хлебнул. Заммурился. Пить спирт он еще не научился.

– Бред какой-то, – откашлявшись, сказал Лопухин. – Дурное место.

– Я несколько фотографий сделал, – пробормотал Колобков. – Черт его знает... Может, покажем кому, там разберутся. Давай, может, двинем отсюда?

Лопухин кивнул.

Они вышли на дорогу и, часто оборачиваясь, пошли на юг.

Миновав холм, они услышали войну. Будто бы она ждала, когда они покинут это страшное место, где стояла на обочинах брошенная техника, где в ямах с вонючей водой плавали голые тела, где даже смерть не была гарантией покоя. Война ждала, когда они выйдут на холм, двинутся по склону вниз, чтобы заявить о себе. Где-то вдалеке загрохотало. Забухало вразнобой. И горизонт подернулся дымкой.

– Вот оно... – прошептал Иван.

С каждым шагом страх уходил все дальше. Походка делалась тверже. Оружие перестало бесцельно болтаться в кобуре. Мужчина на войне – это совсем другое существо, нежели в мирное время.

К полудню Иван с Димой вышли на танки.

Три БТ-7 стояли на пригорке, чуть отойдя от склона. В этом районе это была господствующая высота. В тени своей техники задумчиво курили танкисты. Увидев военкоров, они подняли оружие. Навстречу двинулись два солдатика.

– Кто такие? Документы!

– Старший политрук Лопухин, – ответил Иван, протягивая удостоверение.

– Младший политрук Колобков... – Дима закашлялся.

– Пойдемте.

У танков молоденький лейтенант некоторое время рассматривал их бумаги. Потом кивнул.

– Присаживайтесь, военкору. Перекурим.

– Случилось что? – поинтересовался Лопухин, присаживаясь у танкового трака. – Стоите?

– Случилось, – лейтенант пожал плечами. – Горючка кончилась. Осталось только на минимальный маневр. Боекомплект полный. А без толку все. Сидим, ждем. Чего ждем... Связи нет. Обидно.

Лейтенант говорил как телеграф, короткими рублеными фразами, с четко выраженными паузами между предложениями. Почти без эмоций поинтересовался:

– А вы откуда тут?

– Шли на Слоним. Там вроде наши немецкий танк притащили. Мы хотели сделать репортаж. Только, я уж и сам не знаю как, промахнулись мы. Я срезать хотел. В общем, вышли южнее. Наткнулись на колонну разбитую. Там вся дорога в воронках...

Лейтенант вздохнул.

– Это я знаю. – Кивнул на ямы, окружающие дорогу. – Бомбардировщики. За леском зенитки стояли. Так что нам еще повезло. Только сломалось что-то. Или снаряды кончились. Сидим теперь. Ждем. – Он вздохнул. – Вон ветками маскируемся. Если самолет... Зенитчики ведь вместе с колонной пошли. С ними танки. «Двадцатьчетверка».

– Во! Точно! – воскликнул Иван. – Танки были там. Капитан еще.

– Ага, – оживился лейтенант. – Капитан. Видели его?

– Убит...

– Не дошли, значит. – Лейтенант затушил сигаретку.

– А нашу машину «мессер» подрезал, – ответил Иван. – Мы заночевали там, на поле... Пешком шли, думали помощь найти. Все-таки колонна. А там такое... Танки стоят. Грузовики. Много грузовиков. Капитан тот сказал, что на Слоним идти не надо. Вроде как взяли его. Я думаю, десант...

– Да какой там... десант! – Лейтенант махнул рукой. – Связи вот нет. Плохо.
Дозорный, торчащий на башне танка, вдруг крикнул:

– Люди, товарищ лейтенант!

– К бою!

Танкисты сорвались с мест, попрыгали в открытые люки. Лейтенант, натягивая шлем, крикнул Лопухину:

– В окопы давайте!

И махнул рукой куда-то назад.

Иван с Колобковым быстро нашли неглубокие ямы, которые, видимо, танкисты именовали окопами. Лежать в них было страшно. Казалось, что весь на виду.

Дима выставил перед собой автомат.

– Чего-то плохо мне, Ваня. Если сознание потеряю, ты автомат возьми... – прошептал Колобков.

– Чего ты?

– Черт его знает. Перед глазами плывет. Застудился ночью. Надо же...

Тем временем из танков закричали:

– Кто идет?!

Откуда-то снизу ответили, Иван не разобрал что, но танкисты успокоились. Выбрался лейтенант. Поднес к глазам бинокль.

– Етить... – только и слышал Лопухин.

Лейтенант уже выскочил из люка и, спешно поправив одежду, побежал вперед.

Лопухин встал и последовал за ним. Что-то важное было впереди, иначе не стал бы флегматичный командир так дергаться.

16

– Нам бы горючки, товарищ генерал! Все бы снаряды в цель пустили! – Куда только делся телеграфный стиль лейтенанта. – У всех танков полный боекомплект. И сидим тут как прикованные, ждем, когда кто-нибудь из немцев на нас выйдет. Машина не вернулась, связи нет, положение неопределенное, что делать, товарищ генерал?

– Это кто? – шепотом спросил Лопухин у стоявшего рядом навтыяжку танкиста.

– Ты что, Болдина не знаешь? – тихонько ответил тот.

– Так это он?

– Нет! Архиерей!

– Хорошо, – сказал Болдин. – Вольно.

Он обернулся. Вместе с ним шло человек пятьдесят. Вещмешки, винтовки. Были раненые.

– Мы долго шли, вся техника встала, вот как у тебя... Где горючего нет, где бомбардировщики постарались. Так что принимай гостей, лейтенант. Отдохнем, заодно и подумаем, как дальше жить. Кто это с тобой?

Болдин кивнул в сторону Лопухина, который поправил ремень и шагнул вперед.

– Товарищ генерал-лейтенант...

Генерал махнул рукой, и слова застряли у Ивана в горле.

– Военкор?

– Так точно... А разве так видно?

«Господи, что я несу?» – пронеслось в голове у Лопухина.

– Видно, видно. Штатского в форме за версту видать, – ответил Болдин, утирая лоб. У генерала был очень внимательный взгляд, крупный прямой нос и суровые морщины на лбу. Даже после длинного и тяжелого пути Болдин был подтянут, китель сидел безукоризненно. Автомат на плече не болтался, а висел словно влитой. Перед таким человеком Иван чувствовал себя конченным разгильдяем. В целом генерал располагал к себе. Такому человеку хотелось верить. Просто, безо всяких оснований. От Болдина веяло надежностью. – Что видели, товарищи военкоры?

– По дороге на Слоним масса брошенной и уничтоженной техники. Много убитых. Разгромлена колонна техники и несколько машин с ранеными. Все убиты. Предположительно, десант. Один раненый сообщил, что на Слоним идти нельзя. Предположительно, город захвачен. Возможно, десантом...

Генерал страдальчески поднял брови и пробормотал:

– Десант, десант... Предположительно... Что за болезнь такая? Повсюду я только и слышу о десанте.

– Но... Откуда у нас в тылу немцы?

– А обхода с флангов вы не допускаете? – вопросом на вопрос ответил Болдин.

– Но как же?... – Лопухин совершенно растерялся.

– Мы в кольце. И совершенно невозможно питать иллюзии на этот счет. В кольце. И нам придется из него вырываться. Понимаете?

– Так точно.

– И поскольку вы все-таки в звании политрука, то на вас я возложу обязанность донести до бойцов эту нехитрую истину. Мы в окружении. И вести себя будем соответственно нашему непростому положению. Все поняли?

– Так точно.

– Хорошо. – Болдин обратился к майору, стоявшему за его спиной: – Устроим привал, Владимир Филиппович. У танков. Какое-никакое, а прикрытие...

Бойцы расположились позади танков. Кто-то просто упал в траву. Кто-то принялся рыть окопы. Майор, тот самый, к которому обратился Болдин, их остановил.

– Не нужно. Мы тут долго не задержимся...

Генерал подозвал Лопухина.

– Вот посмотрите, товарищ военкор. – Болдин разложил карту. – Ваша часть была тут?

– Так точно! – Лопухин старался держать плечи развернутыми, лицо каменным.

– Да вы не волнуйтесь так, политрук... Мы с вами не на параде. Мы с вами в сложной тактической ситуации. А потому излишняя приверженность формальностям нам сейчас ни к чему. Только мешает. Меня зовут Иван Васильевич. Я вам разрешаю так ко мне обращаться. Вот Владимир Филиппович Верховцев, мой заместитель сейчас. А вас как по имени-отчеству?

– Иван Николаевич, – Лопухин чуть сдулся.

– Ну вот, видите, мы даже тезки. Так что давайте без излишнего официоза.

– Так точно, понял.

– Ладно... – Болдин снова показал на карту: – Ваша часть тут была?

– Да.

– То есть к северо-востоку от Слонома. А вышли вы где-то в этом районе? – Он очертил на карте круг.

– Думаю, да, – Иван сморщился. – Дело в том, что, стыдно признаться, с картой я напортачил. Колобок... Гхм... То есть младший политрук Колобков, товарищ мой, он за рулем был, а я вроде проводника... Ну и загнал нас к черту на кулички. Точно могу сказать, что колонна уничтоженная была на самом краю лесного массива. Крупного, насколько я могу судить.

– Ваше счастье, что вы на Слоним не вышли, – Болдин усмехнулся. – Ухитрились же выкрутиться. Проскочили. Значит, можно... Вот посмотрите, а мы отсюда идем. И уже давно.

– Там, под танком, капитан прятался. Контуженный. Он сказал, что на Слоним идти не надо. И вообще... – Иван вспомнил странные разговоры умирающего капитана.

– Что вообще? – Болдин посмотрел в глаза Лопухину. – Договаривайте.

– Да бредил, наверное, капитан, контузия, и крови потерял достаточно. Говорил, что одного из немцев он в упор бил. И вроде как тот не умер. И еще повторял, мол, звери, звери. Но это, наверное, по жестокости. Они же раненых добивали. Так только звери могли бы...

– Вот уж нет. Зверей вы, Иван Николаевич, зря не ругайте. Зверь почему зря кровь лить не станет. Так, значит, ваш капитан бредил?

– Ну, мне так показалось. Иначе чем же еще объяснить?

– А больше вы ничего странного не видели по дороге?

– Видели... – Иван глянул на карту. – Я думаю, что...

– Немцы!!! – закричал кто-то.

– Позже договорим, Иван Николаевич, – Болдин подхватился, одним движением свернул карту и дернул автомат. – К оружию, бойцы!

Красноармейцы залегли. Кто-то занял выкопанные танкистами окопы, кто-то вжался в траву. Повсюду, словно прочищая горло, защелкали затворы. Миг, и высотка оцетинилась, ощерилась оружием.

Внизу из-за леса медленно выползала колонна. Впереди, бодро стрекоча, подпрыгивали мотоциклы с пулеметами, а позади, тяжело ворочаясь, выдвигалась техника потяжелее. Танки.

– А еще дальше бронемашины с пехотой... – прошептал лежащий слева красноармеец. На нем была обтрепанная, будто бы обгоревшая гимнастерка. Иван заметил зеленые петлицы. Пограничник, неведомо как прибившийся к группе Болдина.

– Дима, – Лопухин, глядя на резвых мотоциклистов, на танки, почувствовал, как внутри, в кишках, все переворачивается. – Колобок... Прихватило меня... Ой, елки...

– Под себя! – прошептал Колобков. – Под себя!

Он изо всех сил цеплялся за рукоять автомата вспотевшими ладонями и чувствовал при-
близительно то же самое.

– Не дрейфь, – оскалился пограничник. – Все под себя делают, когда порохом запахнет.
Давай, с пустыми кишками и драться сподручнее...

Но Лопухин сцепил зубы, напрягся, стараясь всеми силами не допустить позора, и про-
пустил начало. Все три танка ахнули оглушительно. Земля вздрогнула. И почти сразу же снизу
глухо отозвались три взрыва.

Тотчас выстрелил пограничник. Мигом перезарядил. Снова выстрелил. И еще! Остро
запахло пороховой гарью. Ивана скрутило так, что он сжался в комок, на зубах закрипел
песок. И тут загрохотал весь холм. Стреляли уже все.

На немецкую колонну обрушилась волна свинца. Горело два танка. Третий неуклюже
ворочался между заглушим грузовиком и подбитым собратом.

– Стреляй! Стреляй, сукин сын! – заорал Болдин, его голос начисто перекрыл грохот
винтовочных выстрелов. – Стреляй, не жди!

И снова три выстрела слились воедино. А на дорогу уже выползали новые и новые гусе-
ничные чудовища. Фигурки немецких солдат металась среди уничтоженной техники, кто-то
пытался спрятаться в небольшом лесу, кто-то нырнул в канаву. Но большинство падало и
падало под огнем.

Лопухин увидел, как поднялся майор Верховцев, кинулся к одному из танков. Что-то
крикнул в люк и снова прыгнул в траву. Машина БТ вздрогнула, зарычала мотором. Сдала назад
и двинула куда-то по пригорку влево, ломая мелкие кусты. Танк отошел метров на двадцать,
остановился. Выстрелил. Снова продвинулся. Выстрелил.

– Обходят! – крикнул пограничник и кинулся вслед за танком.

Иван попытался встать, но над головой пронзительно свистнуло. Лопухин вжался в
землю, а потом, не в силах больше терпеть, выставил вперед свой «наган» и, не целясь, выпу-
стил все патроны туда, где метался в агонии враг.

Над тем, что он обделался, никто впоследствии не смеялся. Так бывает с большей частью
солдат, впервые попавших на передовую. Над этим нельзя смеяться. Грешно.

Когда у танкистов кончились боеприпасы, они покинули машины.

– Все. Амба! Отходим! – гаркнул Болдин. – Отходим к чертовой матери!

Когда они были уже у леса, позади загремели взрывы. Подошедшие на помощь немецкие
танки расстреливали неподвижные советские машины. На холме осталось десять человек и три
непобежденных БТ-7.

А под горой дымилось двенадцать остовов, бывших некогда грозной вражеской техникой.

17

По лесу двигались цепочкой. Смертельно усталые люди уходили за деревья, чтобы оказаться как можно дальше от поля боя. Те, кто мог, волокли раненых. Лопухин, как и остальные, нес на плечах носилки, стараясь ступать осторожно, на носок, чтобы не трясти человека с забинтованной головой. Не получалось. Тот непрерывно стонал, мучился.

– Держись, держись... – шептал Иван, смаргивая пот, который заливал ему глаза. – Держись...

Даже Колобков, которого самого отчаянно лихорадило, подставил плечо совсем молодому парню, у которого была прострелена лодыжка.

– Не бросай меня, не бросай... – бормотал паренек. – Не бросай. Я живой. Я стрелять могу. Не бросай.

Как молитву, как заклинание, как последнюю надежду... «Не бросай. Я стрелять могу...»

И Колобков не бросал. Может быть, еще и потому, что нутряным чутьем понимал: этот раненый – и его последнее спасение. До тех пор, пока он, младший политрук, волочит на себе этого совсем зеленого сопляка, болезнь будет держаться стороной. Не набросится. Не начнет выедать его, Диму Колобкова, изнутри.

А значит, надо переставлять ноги. Надо идти вперед.

Краткий привал сделали только один раз, в самом начале пути, когда Лопухин, не в силах терпеть, попросил Болдина:

– Мне б... Товарищ генерал... Я в первый раз на передовой оказался. И так... – Он чувствовал, что жутко краснеет. – Отойти б мне... Сменить... Вот.

– В штаны наделал? – спокойно поинтересовался генерал.

Иван кивнул.

– Вон там ручей, – Болдин махнул рукой. – Пять минут тебе на застираться. И не тушуйся. Я и не такое видал.

Через пять минут они двинулись дальше.

И шли, шли...

Раненых держали в центре. Первыми двигалась небольшая группа пограничников, людей, привыкших к лесу. Замыкали колонну хмурые танкисты, которые без своих железных машин чувствовали себя чуть ли не голыми.

Лес в Белоруссии – это не обычная роща или дубрава. Лес в Белоруссии – это чаща. Настоящая, глухая. С толстыми, невероятно высокими деревьями, которые корнями впиваются в землю так, что начинает казаться – не земля держит этих гигантов, а наоборот, огромные могучие стволы сами удерживают землю. А не будет их, сорвется она с катушек, обрушится небо на землю, и не станет ничего. Лес в Белоруссии – это не просто лес. Это нечто особое. Мистическое. Таких мест на Земле уже и не осталось почти. Только Белоруссия и Сибирь. Да Амазонка еще...

Перебираясь через буреломы, обходя глубокие овраги, поросшие молодняком, небольшой отряд уходил все глубже и глубже. Туда, где обычные законы уже не действуют. Где все по-особому. И время течет не так, как в степи или в поле.

Иногда людям начинало казаться, что нет уже никакой войны, что вообще на свете нет ничего. Только лес. Только неумолкаемый разговор деревьев с ветром, земли с небом. Шелест листьев.

Болдин махнул рукой.

– Сто-о-ой! – разнеслось вокруг.

Носилки осторожно опустили на землю. Кто-то сел. Кто-то рухнул как подкошенный.

– Готовимся к ночевке, – сказал генерал. – Солнце вот-вот сядет. Дальше идти нельзя.

Тяжело дыша, Лопухин подсел к своему раненому.

– Слышь, браток, сейчас отдохнем. – И только сейчас понял, что тот давно уже не стонет. – Эй... Браток...

Стоявший рядом боец снял пилотку.

– Отмучился, бедолага.

Рыть могилу в лесу не просто. Земля легкая как пух, не утопанная, но густо переплетенная корнями, большими и маленькими. Их приходится перерубать, выдергивать, чтобы отворовать у живого место для мертвого. Когда работа была окончена, Лопухин устало опустился около могилы и только сейчас заметил, что рядом выросли еще три таких холмика. Солдатик, помогавший Ивану нести носилки, оперся щекой на рукоять лопатки и, кажется, сразу заснул. Люди засыпали там, где смогли присесть или лечь.

– Офицеры, – позвал Болдин. – Ко мне...

Несколько человек поднялись и, шатаясь, побрели на его голос. Лес медленно погружался во тьму.

– Политруков прошу тоже подойти...

Лопухин с усилием поднялся.

Когда он доковылял на непослушных ногах до генерала, совещание уже шло.

– Мои могут еще идти. Но с остальными дела плохие, – голос у капитана-пограничника был тяжелый, низкий, наполненный порохом и сталью. – У многих ноги стертые в кровь. Портянки мотать не умеют. Ремни подогнаны плохо. Плечи стертые. Идти еще туда-сюда, но воевать... – Он покачал головой.

– Согласен, – кивнул Болдин. – Майор, что скажете?

– Все верно подмечено. У танков задор был. Потом отпустило. Сил совсем мало осталось. Люди засыпают кто где, еще б чуть-чуть, на ходу бы засыпали. Раненых много. Погода жаркая, а перевязаны кто как. Часто бинтовали сгоряча, лишь бы кровь остановить. Точно будут заражения. А человека в лихорадке носить... уж проще сразу в землю закапывать. Разве что... – Он исподлобья посмотрел на генерала. – Оставить их...

– Никого бросать не будем. Это не обсуждается, – ответил Болдин.

– Тогда нам нужен врач. И медикаменты. И еда. И идти никуда нельзя, как минимум, несколько дней.

Генерал прочистил горло, как зарычал.

– Сибиряки есть?

– Что? – не понял пограничник.

– Сибиряки. Кто из лесов...

– У меня есть, – поднял голову старший лейтенант с рукой на перевязи. – Из эвенков, что ли. В общем... такой... – Он на мгновение замолчал, а потом отчеканил: – Коренной народ Сибири.

– Очень хорошо. Поставьте ему задачу, пусть охотится. Несколько дней останемся на этом месте. Может быть, сместимся куда-нибудь, но не сильно. Сибиряк ваш пусть берет винтовку и шурует в лес. Патронов ему дайте. Все, что понадобится. Пограничников попросу приготовиться. И очень хорошо отдохнуть сегодня ночью. Завтра будет вам дело. Остальным офицерам собрать людей. Развести костры. Не много. В ямах. Только из сухого дерева. Организовать дежурства. И отдыхать. Не позволяйте солдатам спать где попало. Только около костров, не вповалку, а строго. Чтобы проходы имелись, чтобы оружие и обмундирование были сложены как полагается. Сапоги снять, портянки сушить. Дисциплина чтоб была на уровне. Солдат без дисциплины – не боец. Приступайте! А вы, Иван Николаевич, останьтесь.

18

– Ну что, Иван Николаевич, – Болдин отошел в сторону, – полагаете, долго мы будем немца морочить?

– Ну, наверное, пока фронт не выровняется, – как ему показалось, логично ответил Лопухин. – Я думаю, что это временно...

– Думаете?

Вокруг них раздавались приглушенные голоса. Офицеры будили успевших заснуть. Кто-то собирал сушняк, кто-то рыл ямы для костров.

– Уверен.

– Ну и хорошо. Эту уверенность донесите до остальных бойцов. Только не давайте людям лишних иллюзий. Чтобы наша армия могла противостоять агрессору, ей важен каждый солдат. Усилия всех до единого должны слиться в кулак, чтобы бить и бить по врагу. Иначе гибель наших людей – бессмысленна. Поняли?

– Да.

– И знаете, не нужно официальных собраний. Просто беседуйте с людьми. Разговаривайте. Спорьте. Так оно надежней. Сейчас такой этап, понимаете, трудный. Мы в самом начале, и такая неудача... Это может сломать любого.

– Понимаю.

– Расскажите им о том, что планирует штаб. О том, что мы будем идти на прорыв, соединяться с основными частями. Чтобы как можно скорее освободить нашу землю от оккупантов.

Лопухин кивнул.

– А еще меня интересует, – Болдин сел под высокой елью, прислонился спиной к стволу, – как вы оцениваете увиденное вами?

– Где?

– Там, по дороге на Слоним. Кроме разбитых машин было ведь что-то еще? Убитые. Вы сказали, что живых практически не осталось?

– Так точно. Очень много убитых. Даже раненых не пощадили, просто выкинули из грузовика и убили.

– Расстреляли? Или штыковые удары?

– Я... – Лопухин помедлил с ответом. – Я не разглядел.

– Понимаю. Но тем не менее жаль, что не разглядели. Характер ранения может многое рассказать... Да. Вы говорили, что было что-то необычное?

– Да ночью дело было. Дождь. Гроза.

– Гроза?

– Да.

– Странно. Не припомню...

– Да, и очень сильная гроза. Дождь лил как из ведра. Холодный такой! Мы в воронке прятались, так нас залило... Вымокли...

– А почему не в машине? Стояли же разбитые грузовики?

– Даже не знаю, – Лопухин задумался. – Мы собирались костерок запалить. А потом гроза, ночь... Не видно ни черта...

– Хорошо. Что было дальше?

– Ночью нам показалось, что рядом кто-то ходит. Вообще вся эта история дурная и ерундовой какой-то отдает.

– А вы рассказывайте как есть, мы потом обсудим и решим, привиделось или...

– В общем, я видел голого человека. Грязного. Будто в земле вывалялся. Испугались. Кончилось тем, что он к нам в воронку рухнул. Мы убежали. Стыдно сказать, стреляли незнамо

куда. В общем, остаток ночи на горке провели. Потом, как светло стало, спустились вниз. Следов множество. Будто полк топтался. Да, и босые все!

– Что еще?

– Могила большая. Наполовину водой залитая. И трупы. Вроде как голые... В общем, сбежали мы оттуда, товарищ генерал. Страшно стало. Дурость?

Болдин покачал головой.

– Вполне понятная реакция. На войне многое невозможно объяснить здравым смыслом. И иногда начинает казаться, что все, что вы знаете о мире, рушится...

– Да, – неожиданно вскинулся Иван. – Мне рассказывали...

Болдин снова кивнул.

– Всякое бывает. Есть место на войне и чудесам, и мистификациям. Надо просто уметь отличать одно от другого. Иногда бывает не грех и сбежать... Вдруг вы столкнулись с новым оружием врага. Погибнете, и никто не узнает.

– Ну, это не наш случай, – Лопухин нашел в себе силы засмеяться.

– Откуда вам знать?

Этот вопрос поставил Ивана в тупик.

– Вы хотите сказать?..

– Нет-нет... – Болдин замахал руками. – Что вы? Ни в коем случае... Вы же не уверены в том, что видели.

– Не уверен, – Лопухин развел руками.

– Вот видите. Давайте пока будем считать, что увиденное вами не доказано. А потому рассказывать об этом кому-либо не желательно. Вы ведь материалист?

– Да. Конечно.

– И прекрасно. Отдыхайте сейчас, Иван Николаевич. А завтра будет видно.

Иван встал.

– Разрешите обратиться, товарищ генерал?

Болдин тоже поднялся.

– Разрешаю.

– Хочу пойти завтра в разведку.

– А вы имеете определенные навыки?

– Нет. Но зато, если мы выйдем на деревню, я хорошо нахожу контакт с людьми. Я журналист. Мне положено.

– Я подумаю...

19

Они лежали в кустах уже третий час. Укрывшись ветками и вжавшись в землю.

Внешне деревня ничем не отличалась от других. Все те же дома, заборы, колодцы. Сухая, пыльная дорога с поросшей репейниками обочиной. Только нет вездесущих кур да собаки молчат. И ни одного человека.

– Эх, тертая морковка. – Коля Парховщиков, один из тех пограничников, которые ушли в разведку, получил жесткий втык от начальства на предмет матерщины. – Мамкина норка. Не по-людски, все не по-людски. Что-то эта свистобратия по избам попряталась.

Рядом вздохнул капитан.

– Коля... Была б на то моя воля, я бы тебе рот совсем зашил. Суровыми нитками...

– А я чего? Я ничего, обещал не выражаться. Слово держу. Как же иначе чувства выражать?

– Чувства... Твою дивизию...

– Вот видите, товарищ капитан.

Они замолчали.

Наконец не выдержал Лопухин:

– Я пойду?

– Куда? – Капитан недовольно покосился в его сторону. Мало того, что ему навязали в разведку политработника, да еще военкора, личность сугубо штатскую и к суровой службе не приученную, так теперь эта личность еще и проявляет инициативу.

Иван всю дорогу ловил на себе косые взгляды, хотя и старался идти тихо. Но сучки, как назло, попадали под ногу, хрустели звонко, листья шуршали, а земля так и норвила вывернуться из-под ноги. Демаскировка.

– В деревню.

– А если немцы?

– А я одежду скину... И так... Пройдусь, будто бы совсем местный.

Коля Парховщиков хмыкнул и приготовился уже ляпнуть что-то особо заковыристое, но побоялся грозного командира.

– Попробуй, – хмуро ответил капитан. – Скидай все. И сапоги. Портки оставь... Скажешь, если что, купался.

– Где?

– На речке, где... Есть тут какая-нибудь речка. Вона, ручей переходили. Там и купался. Жарко. Под дурачка коси. Кланяйся, если чего. Понял?

– Да. Понял. Дурачка ломать и купался...

– Ничего ты не понял, – капитан сморщился. – Ну да черт с ним. Главное, запомни: как свистнет, сразу падай. Где услышишь, там и падай. Усек?

– Так точно... Ну что, иду? А то комары зажрут совсем...

– Давай... – Капитан махнул Парховщикову: – Пойдешь следом, кустами. Как уж поползешь! Понял?

– Да понял, я, понял, лисья шкурка...

Как матершинник Коля растворился в зелени, Иван уже не видел. Потому что шагнул в пыль деревенской дороги...

И тишина укутала его с головой. Если в лесу были слышны птицы, шум ветра, то, как только Лопухин оказался в деревне, все звуки словно отрезало. Даже собственных шагов не слышать. На всякий случай Иван потер уши, кашлянул. Нет, со слухом все в порядке. Просто... тишина.

Лопухин заставил себя распрямить плечи и сделать несколько шагов вперед. Ему казалось, что он двигается легко, как человек, ни о чем не подозревающий. Однако капитан, наблюдавший за этой сценой, только зло шикнул сквозь зубы: «Городской раздолбай!»

Идти по деревне было страшно.

Дико, до одури, до дрожи страшно. Но иначе, чем тогда, когда на высотку перли немецкие танки. Сейчас дрожала каждая жилка, каждый мускул, казалось, был напряжен, улыбка приклеилась к лицу уродливой гримасой. Это чувство не было страхом смерти, но чем-то другим, особенным, более всего похожим на азарт.

Все цело. Окна не разбиты. Заборы не повалены. Только в одном месте разбит горшок... Черепки раскиданы вокруг.

Но будки пусты. Окна закрыты. Тишина. И неотступное, давящее ощущение, что в спину смотрят внимательные злые глаза.

Несколько раз Иван даже оборачивался.

Наконец, не пройдя и середины пути, он понял, что больше не может вот так топтать, делая вид, что ничего не происходит. Иван остановился. Дома, окружавшие его, были ничем не лучше и не хуже других.

Осторожно, словно боясь нарушить эту невероятную тишину, боясь разбудить кого-то, Лопухин толкнул ближайшую калитку. Вошел во двор... Черные окна без занавесок пялились на него, словно заглядывая в душу. Иван осторожно обошел пустую собачью конуру, будто опасаясь, что там, внутри, все еще сидит огромный страшный зверь.

Почему-то сейчас каждая деталь казалось значимой. Таинственной. Топор-колун, вбитый в огромное бревно. Веревка, болтающаяся на заборе. Ржавый гвоздь, торчащий из стены. Все было наполнено злобой, жестокостью. Неодушевленные предметы будто ожили.

Иван долго не решался взяться за ручку, чтобы открыть дверь.

– Что за наваждение... – Лопухин потряс головой.

Петли пронзительно взвизгнули. Дом раззявил черную пасть...

Пусто.

Никого. И только опрокинутое ведро лежит поперек прохода.

Иван, превозмогая себя, шагнул внутрь. Прошел в комнату. Печка. Остановившиеся часы на стене.

Образцовый порядок. Такого не бывает в домах, где живут люди.

Иван прошелся по комнате. Толкнул дверь в спальню и замер.

Посреди комнаты стояла кровать. Вид разорванных, залитых кровью простыней резко ударил по глазам. Посреди порядка и тишины эта жуткая кровать кричала, орала на все голоса.

Лопухина будто отшвырнуло назад, он запнулся о скамью, упал, не чувствуя боли, ударился о дверь и вывалился на улицу.

Он выскочил на дорогу, завертелся, не понимая, куда нужно идти и откуда он пришел. Наконец, как ему показалось, сориентировавшись, он кинулся к лесу.

Иван вломился в кусты, как медведь в чащу, и в тот же миг что-то твердое и жесткое врезалось ему под дых.

– Кха... – Лопухин согнулся, ловя ртом остатки воздуха. Крепкая ладонь зажала ему рот. Над Иваном нависла злая физиономия капитана.

– Ты что?! Одурел?!

Но Лопухин только дергался, пытаясь освободиться из цепкой хватки пограничника.

Капитан в сердцах плюнул.

– Я только... – прохрипел Иван. – Только... в один дом... А там... Там все чисто.

– Ну и чего?

– А кровать... кровать вся... вся в крови... И разодрана вся... И никого. Ни собак, ни кошек. Ничего... – Он перевернулся на четвереньки и принялся тяжело кашлять.

- Тише ты... – Капитан утер лоб. – Чертова канитель. Ладно! Выходим. Мартынов и Лобачевский по центру, остальные огородами. В темпе. Понятно? Вопросы?
- Вопросов не было.
- Парховщиков, по домам, вихрем! А ты, военкор, с ним пойдешь. Одевайся... боец.

20

В деревню вошли осторожно. По центру улицы двигались капитан и еще два красноармейца. По сторонам, перемахивая через заборы и топчя огороды, шустро шли остальные бойцы. Зазвенели стекла. Где-то загрохотала отодвигаемая мебель.

Парховщиков с красным лицом выскочил из дома.

– Что там? – спросил капитан.

– Пусто! Вообще никого-ничего, только по полу яйца раскиданы.

– Какие такие яйца?

– Дык куриные, товарищ капитан. – Парховщиков только руками развел. – Едрена Катерина. И все целые. Ни одного битого.

– Дальше, дальше... Куда они все делись, черти?!

Везде что-то было не так. Где-то разорванная кровать, залитая кровью. Где-то целые яйца, раскиданные по полу, где-то в печку засунута вся утварь, кастрюли, чугуны и даже кружки. На фоне порядка это выглядело жутко, пугающе. Будто резвился какой-то псих...

– Нашел!

От этого крика вздрогнул не только Лопухин. Даже капитан остановился посреди дороги, нервно поправив фуражку.

– Где?

– Там... – Солдатик, прибежавший с дальнего конца деревни, был бледен как мел. По лицу катились крупные капли пота. – Там... все. Всех... Сарай... У реки.

Капитан вздохнул.

В сарай Иван не зашел. Сил не хватило. Он слышал только, как гудят мухи. И как блюет за дверью Парховщиков, залетевший внутрь первым.

И запах. Жуткий, ни с чем не сравнимый запах крови. Большой крови, разлитой по полу, впитавшейся в бревна стен, вытекающей наружу тягучей, густой рекой...

Когда в дверях сарая показался капитан, его лицо больше всего напоминало восковую маску. Неживое. Тусклое. Белое.

– Возвращаемся... Продуктов наберите... – Голос его прозвучал хрипло.

Но почему-то сразу запели птицы. Ветер зашумел в кронах деревьев.

– И запалите сарай к чертовой матери.

Когда они уходили в лес, в небо медленно поднимался густой, черный, будто бы жирный дым.

21

Разведка, вернувшись в лагерь, обнаружила пополнение.

Еще человек пятнадцать красноармейцев вышли к лагерю утром. Из разговора выяснилось, что это часть гарнизона многострадального Слонима, которая удерживала мосты через Щару. По их словам, на переправу был сброшен десант. При этих словах Болдин брезгливо сморщился, но сержант, который вел группу, клятвенно уверял, что сам видел парашюты.

– Так чего ждали-то? Стрелять надо было, пока немец в воздухе.

– Мы стреляли... – уныло пожал плечами сержант.

– И чего? Плохо стреляли?

– Плохо... Нас с воздуха так придавили... Пулеметами...

– А укрытия на что?

– Враспloh застали...

– На войне?! – Болдин выпрямился, портупейные ремни противно закрипели. – В другой ситуации, товарищ сержант, вы были бы уже арестованы. Вместе с вашим командиром. Где он, кстати?

– В плену...

– Где?! – По лицу генерала пробежала судорога.

– Контузило его. – Сержант вытянулся в струнку, но командира не сдавал. – Контузило! Болдин помолчал, а потом буркнул под нос:

– На себе надо было выносить, если контузило... Ладно! Обустройвайтесь покамест.

Кострище, место для ночлега. Шалаши. Все как положено. Раненые есть?

– Никак нет!

– И то ладно. Выделишь пару человек, за ранеными смотреть. Медикаменты?

– Нет.

– Патроны хоть имеются?

– То, что в обоймах и по сумкам... – Сержант опустил голову.

Болдин кашлянул и как рыкнул:

– Можете идти!

Сержант развернулся на каблуках и поспешил к своим, сбившимся в кучу, грязным и перепуганным... бойцам.

– Хорошо немец работает. – Генерал посмотрел на пограничников остановившимся взглядом. – Мосты берет в первую очередь. Колонны бомбит. По отдельным группам не разменивается. Конечно, чего они ему без припасов, горючки и патронов сделают? – Он постоянно крутил в пальцах пуговицу кителя, словно это незамысловатое действие помогало ему думать. – А ведь нас тут много таких... По лесам да по болотам. Просто так нас не оставят. Тоже понятно. Но пока примутся эти дебри вычесывать, время пройдет. Как вы полагаете, товарищ политрук?

Лопухин вздрогнул. Все это время у него в ушах гудели сытые зеленые мухи и запах... Этот тошнотворный запах...

Иван потряс головой.

– Простите, товарищ генерал, в голове каша.

– Каша – это плохо. – Болдин покачал головой. – Каша – это плохо. Ну, давайте, докладывайте, капитан.

Пограничник вышел вперед.

– Население ближайшей к нам деревни полностью уничтожено. Женщины, старики, дети. Даже собаки и кошки. Скотина и птица исчезли. Следов тяжелой техники на дорогах нет. Работала относительно небольшая, мобильная группа пехоты.

– Почему небольшая? – Лицо Болдина напряглось.

– Не натоптано. Это раз. А еще... нет значительных разрушений. Вообще разрушений нет. Все прибрано. Чистенько. Ни окон выбитых, ни дверей... Будто в гости пришли. Но везде какая-нибудь дурость.

– Не понял.

– Ну, странность какая-то. Вроде как все белье в доме сложено в подпол. Или вся утварь в печке. Или все чисто, а простыни в крови. И больше следов крови нет нигде, хотя кровать выглядит так... будто на ней свинью прирезали.

– Что с жителями?

– Все согнаны в один сарай... – Капитан запнулся. – И уничтожены. Разорваны.

– Как?.. – Болдин не понял.

– Ну, в ключья. Руки-ноги, кишки... И собаки там же. И кошки. И дети...

Лопухин почувствовал, как у него обильно пошла слюна и как тугой мерзкий комок подкатил к горлу. Иван задышал чаще и глубже, стараясь унять тошноту.

– Какие-нибудь надписи?

– Виноват, не понял, – теперь растерялся капитан.

– Ну, надписи на сарае? Или бумаги приколотые? Листовки? Просто... кровью, например?

– Не заметил... Не было.

– Не заметил или не было?

– Снаружи ничего, – подал голос Лопухин. – Я долго смотрел.

– А внутри не разобрать. Все залито, – добавил капитан. И успевшая отпустить Ивана тошнота снова поднялась к горлу.

– Понятно. Какие были ваши действия?

– Сожгли сарай. Хоронить там... нечего было. Какую смогли еду найти, ту собрали. Принесли вот...

– Хорошо. Сдайте дежурному по кухне. И отдыхайте. Завтра поутру снимаемся с лагеря. Пойдете впереди.

– Есть...

Вернувшись к Колобкову, Иван обнаружил, что тому стало еще хуже. Коля лежал, свернувшись калачиком у потухшего костра, мокрый от пота. Младшего политрука била крупная дрожь.

Иван сел рядом, не зная, как помочь другу. Смутно припоминалось, что когда-то, давным-давно, еще в детстве, мама отпаивала заболевшего Ивана не то малиновым чаем, не то отваром из каких-то трав. Да где та малина? А в травах Лопухин не разбирался. Впрочем, на дне вещмешка лежала в непромокаемом пакетике пачка грузинского чая.

– Хоть просто чайку сделать... – Иван укрыл Колобкова своей гимнастеркой, больше ничего под рукой не было. – Бабка одна говорила, что чаем все лечится... Лишь бы покрепче.

Лопухин собрал сушняк, сложил небольшой костерок и на двух камнях разместил котелок с водой.

– Сейчас все будет. Сейчас... – успокаивал Иван Колобкова. – Попьем чайку, и полегчает.

– Горячка, – сказал кто-то за спиной.

Иван вздрогнул. Обернулся.

Позади сидел на корточках тунгус. Смуглый, чуть раскосый, с внимательным взглядом черных глаз.

– Надо лечить. Помрет.

– Ты ведь из отряда... – Иван попытался вспомнить имя раненого лейтенанта, но не смог. – Ну... На охоту ходил. Эвенк?

– Тунгус. Юра. – Он протянул руку. – Только я не настоящий тунгус. Все спрашивают, из тайги? А я не из тайги. Я из Москвы. Приехал учиться.

– Куда?

– На артиста. Не поступил. После войны поступлю.

Он говорил с акцентом, короткими репликами – будто складывая незнакомые слова во фразы, взвешивал каждое, правильно ли встало. И только тогда выговаривал, с осторожностью, внимательно.

– Травы нужны. Помрет.

– Да где ж их взять?

– Там. – Тунгус Юра махнул рукой в сторону густого бурелома.

– Ты знаешь, какие?

– Знаю.

– Так помоги, скажи какие, я соберу! – Иван вскочил.

– Сиди. Я принесу. Так сказать не смогу.

Он встал и исчез за деревьями. Бесшумно, точно так же, как и появился.

Через некоторое время он приволок охапку каких-то травок, веточек и, кажется, коры. Молча подсел к костру. Дождался, когда вода закипела, и начал подкладывать травки в котелок, по одной, в какой-то особой, одному ему ведомой последовательности. Что-то шептал, бормотал на неизвестном языке, а Лопухин сидел, не зная, куда себя деть, чувствуя свою полную бесполезность.

Наконец тунгус снял котелок с огня и поставил его в специально вырытую ямку.

– Остынет. Давай пить. Но следи... Одного нельзя оставлять. Помрет.

– Спасибо! Чаю хочешь? У меня есть...

Но Юра только головой покачал.

– Не оставляй его сейчас. Следи. Его забирать будет. Шибко. Смотри в оба.

22

«Забирать» Колобкова начало через час. Дыхание сделалось частым, гимнастерка пропиталась потом, хоть отжимай. В сознание Дима не приходил. Только метался из стороны в сторону.

Лопухин удерживал друга, чтобы тот не скатился в костер. Шептал что-то успокаивающее, скорее для себя, нежели для Колобкова. И поил, поил его отваром. Сколько надо влить в больного, Юра не сообщил, а оставить Димку и пойти искать тунгуса-москвича Иван не решился. Колобкова била крупная дрожь, изредка из-под закрытых век жутко показывались белки закатившихся глаз. Температура скакала, Дима становился то горячим, как печь, то холодным, будто мертвец. Иван уже успел пожалеть, что согласился на это народное лечение. Черт его знает, что там этот неполучившийся артист накидал в котелок. Может, в травах ошибся, а может, он вообще в этом деле не смыслит... Поди спроси. Где его искать, того тунгуса? Может, по лесу рыщет, зверей каких ловит, а может, уже дернул к чертовой матери да в плен сдался. Кто ж их разберет? Народ необразованный, хоть и в институт поступал...

Колобков свернулся в комок и заскрипел зубами.

– Тихо, тихо... – Иван подложил ему под голову свернутую гимнастерку. Укрывать Димку было бессмысленно, тот крутился так, что сбрасывал с себя все. – Все будет хорошо... А если не будет, я этого травника найду и заставлю мухоморы жрать, пока не подойдет. Все будет хорошо... Ты потерпи...

Димка словно услышал, застонал жалобно, перевернулся на спину и внятно произнес:

– Уберите когти.

– Чего?

Но Колобков только дрожал и дрыгал ногами.

– Мается, – сочувственно сказал боец, подошедший к костерку. – Мается...

– Ничего. – Иван придержал руки Колобкова. – Пройдет...

Красноармеец подсел рядом.

– Что известно? Начальство-то что думает? Долго тут будем, по лесам-то, прятаться?

– Наша задача остается неизменной, – Иван собрал перепутанные мысли вместе и попытался вспомнить, что там говорил генерал. – Мы должны гнать фашистских оккупантов, уничтожать их, чтобы освободить нашу Родину. Линия фронта выровняется! Я уверен в этом. И генерал мне вчера то же самое говорил. И тогда наша армия перейдет в наступление.

– Да это все понятно... – протянул красноармеец, как показалось Ивану, слегка разочарованно. – Вот только нам-то чего делать?

– Будем прорываться. Сейчас противник впереди нас. Мы ударим ему в спину...

– А чем ударим? – поинтересовался боец с легкой ехидцей. – Тут у каждого патронов раз-два и обчелся...

– Нет патронов, в штыковую пойдем... Прорвемся к нашим! – ответил Иван с неведомо откуда взявшейся уверенностью.

– В штыковую... – протянул красноармеец и вздохнул. – Можно, конечно, и так. Ты как к нам попал-то?

– Да так... Вот заплутали, с товарищем, – Лопухин кивнул на Колобкова. – Шли на Слоним, а вышли...

– К черту в зубы, – засмеялся боец. – А мы вот от Гродно пехом топаем. Мы в лоб, а они по нам с воздуха. Мы в лоб, а по нам с воздуха. И ни вправо, ни влево. Так и бросались, пока патроны были. А потом ясно стало, что делать нечего. Мы и дернули. Пограничники слышал чего рассказывали?

– Нет.

– О! Это ты ничего не знаешь... Немцы по ним из орудий ка-а-ак дадут! И минометами! И с воздуха! Ты под бомбежку попадал?

– Ну, так... Было чуток...

– А они не чуток, они по полной получили. Запрашивают, мол, что делать?! Нас обстреливают! А им в ответ знаешь чего?

– Нет...

– Не поддавайтесь на провокации. Немцы их из пушек ломают. А им все одно, не поддавайтесь, мол, на провокации. У вас ложные сведения. Ну, когда немец попер в лоб, стало не до разговоров. Так застава и полегла, считай, вся... Вот ты, политрук, скажи... А как оно так вышло?

Нехороший это был разговор. И слова как слова, но за ними... будто ядовитая гадина притаилась.

– А еще, – продолжал боец, – немцы-то все с автоматами, с автоматами, а у нашего брата и винтовок-то... На трех человек одна! Как это так вышло, а? И где самолеты наши? Вроде как готовились с немцами воевать... Готовились-готовились, а в лужу сели! Пожрут нас теперь немцы-то, как есть пожрут! Ты танки их видел? А я вот видел... Как дали по нам, так только щепки полетели. А еще я слышал, что у них в плену тушенку дают. Вон, видал?..

И он показал Ивану скомканную бумажку. Черно-белый рисунок и надпись: «Штык в землю...»

– Откуда у тебя?.. – осторожно спросил Иван.

– С самолета бросили. Вместо бомбы. Так ко мне и залетела... А могли бы и гранатой швырнуть. Так-то.

– А ты в каких частях воевал?

– Да вот... – Ивану показалось, что боец слегка смутился. – Кухня там...

– А про винтовки откуда знаешь?

– Что про винтовки?

– Ну, что на трех человек одна?

Красноармеец кашлянул. Поправил пилотку.

– Говорят...

– Кто говорит? – Лопухин почувствовал, как напряглись скулы.

– Пойду я, – улыбнулся боец. – Ты товарища береги...

– Стой!

Но мужичок уже ушел.

Иван вскочил было, удержать, остановить... Но у Колобкова начались конвульсии.

– Сука, – цедил сквозь зубы Иван. – Гнида тыловая... Листовку он сохранил... Паскуда...

Димка, вроде бы затихший, принялся метаться около костра с новой силой, и Лопухин, чтобы удержать друга, наваливался на него едва ли не всем телом.

– Ну, ничего, ничего... Я тебя запомнил, зараза... Запомнил...

Колобкову стало легче к вечеру. Он открыл глаза и даже смог сесть.

Все тот же Юра-тунгус принес убитого олененка. Организованная на скорую руку кухня спешно варила суп и жарила мясо.

А к ночи вернулась разведка и доложила, что в окрестностях была замечена группа немцев, прочесывающая лес.

23

– Товарищи бойцы! – Голос у Болдина был с хрипотцой, простуженный. Говорил генерал негромко, но в притихшем лесу каждое его слово разносилось далеко. – Мы с вами находимся в непростой ситуации, когда от каждого человека требуется вся сила, все мужество, чтобы жить и сражаться.

Раненых было решено оставить под присмотром нескольких, немного знакомых с медициной красноармейцев. Остальной отряд уходил на боевую операцию.

– Мы должны вырваться из окружения! Этого требует от нас долг перед Родиной, перед Отечеством! Там, по ту сторону фронта, наши братья по оружию...

Прятаться в белорусских лесах было можно. Но долго ли? Без боеприпасов, без еды... Совершать набеги на окрестные деревни, по которым уже прокатились немцы? Появление в этих лесах карательных отрядов – вопрос времени...

– У нас есть только один путь. Одна цель. Бить фашистскую гадину на каждом шагу. Бить без пощады! Как это делали...

Главной проблемой было отсутствие патронов и оружия. Часть винтовок бойцы таскали с собой только из-за привычки к установленному порядку. Стрелять из них было невозможно. Один красноармеец держал при себе искореженную осколком «боевую подругу». Не выпускал ее из рук ни на минуту, даже спал с ней. Всем и каждому он рассказывал, как винтовка спасла ему жизнь...

– Каждый должен понимать, что советский народ вступил в тяжелую и кровопролитную войну, где нет места слабостям. Нет места панике, страху. Но каждый шаг советского солдата – это шаг истории. О нас будут помнить так, как помнят героев войны 1812 года, как помнят...

Вторая проблема заключалась в отсутствии медикаментов. Каждое ранение несло в себе реальную опасность. Не было медиков, и только Юра-тунгус своими отварами и какими-то травами вытаскивал людей. Однако он все чаще разводил руками: «Нужны лекарства».

И главное, чего боялся генерал Болдин, было моральное состояние отряда.

Усталые, измотанные и испуганные люди сейчас были очень близки к тому, чтобы поддаться панике, бежать, сдаваться в плен, что угодно, лишь бы не воевать, лишь бы вырваться из этого страшного ожидания, уйти как можно дальше... Хорошо быть смелым, когда враг впереди, когда за спиной тыл, обозы, когда все ясно и понятно... Но в окружении, когда враг может оказаться где угодно, когда нет никакой связи, когда твои товарищи умирают, а ты ничем не можешь им помочь... А что делается дома, в родных городах?.. То тут, то там, всплывали разговорчики о плене. О листовках, сбрасываемых с воздуха. О том, что воевать надо было не так...

Болдин понимал: еще немного, и он утратит контроль над солдатами. Еще чуть-чуть, и они из бойцов Красной Армии превратятся в банду мародеров или трусливо сдадутся ближайшему немецкому разьезду...

– Солдат должен воевать, – сказал Болдин Лопухину, когда тот пришел к нему с рассказом о красноармейце, который показывал ему фашистскую листовку. – Что отличает солдата от бандита? Устав? Я, знаете ли, видал таких урок, у которых все по полочкам разложено, все расписано и вся жизнь в банде идет по графику. Дисциплина? Так ведь тоже от главаря зависит. Солдат отличается от бандита тем, что солдат сражается за Родину, а бандит грабит для себя. Но если воин перестанет сражаться... Он очень быстро начнет превращаться в грабителя. В довольно дурного грабителя, потому что воровать не обучен, так же, как вор не обучен воевать.

Попутру Болдин собрал всех и, взобравшись на толстую корягу, чтобы его слова были слышны, говорил. Странная это была речь. Полная обыкновенных штампованных фраз и вместе с тем близкая и понятная каждому...

– Запомните! Мы не бросим никого! Ни единого солдата! В лагере остаются только тяжело раненные, за которыми мы вернемся, когда сможем найти медикаменты или врачей! Сейчас наша задача проста. Мы должны жить и сражаться! Нести урон врагу, но не в самоубийственных атаках. Нет! Мы должны воевать, как делали это наши предки. Как воевали они с французами в тысяча восемьсот двенадцатом году...

Иван, стоя чуть в стороне, рассматривал лица солдат. Что слышит каждый в этих, на первый взгляд одинаковых для всех, словах?

«Дерьмовый из меня политрук, – неожиданно подумал Лопухин. – Хотя и журналист... А все-таки...»

24

Немцы расположились на краю большой поляны, вдоль дороги. Пяток мотоциклов, одна бронемашина и грузовик.

– А на кой черт им грузовик? – прошептал Колобков. Он был еще бледен и слаб, но утром сам поднялся в строй.

Иван кивнул в сторону. Там, чуть поодаль, сидели на корточках какие-то люди. Без сапог, в одних обмотках, в рваной одежде.

– Кто там? Не вижу... – Колобков прищурился.

– Пленные, – ответил Лопухин.

Дымился костерок. Какой-то фриц ковырялся около закопченного котелка, остальные отдыхали. Часовые откровенно скучали. Только те, что держали под прицелом пленных, были настороже.

– И кой черт они ждут? – снова поинтересовался Колобков.

– Не знаю. Верного момента. Может, не все еще на местах...

Дима посмотрел на него непонимающе. А потом пояснил:

– Да я не про наших. Я про немцев! Явно же ждут чего-то...

Иван пригляделся.

И верно. Пара человек торчала на дороге, то и дело всматриваясь куда-то вдаль. У остальных вещи были сложены, немцы готовились выступить в любой момент. Но котелок, костер... С одной стороны, привал. С другой – максимальная собранность.

– Ерунда какая-то...

Наверное, надо было предупредить Болдина. Но он не успел...

Выстрел звонко хлестнул по ушам, и обмякший пулеметчик соскользнул с брони. Ивану показалось, что весь лес закричал! Вскинулся!

По спине Ивана будто прокатилась волна, кожа покрылась мурашками! Так перед дракой у обезьян встает шерсть дыбом. А человек? Чем он хуже?

И Лопухин тоже завопил! Бессвязное! Изнутри! Настоящее!

И кинулся туда, вперед, целясь из «нагана» в того немца, который уже повел черным дулом «шмайсера» в сторону пленных... И сейчас нажмет! Уже нажимает!!!

Иван утопил курок, понимая, что стрелять на бегу – занятие глупейшее, нелепое!

«Наган» гавкнул коротко, еще раз, еще.

Пули бездарно ушли в сторону. А немец дал короткую очередь по пленным и опрокинулся на спину. Мотнулся в воздухе ремень автомата. Это Юра, тот самый тунгус-охотник, лежа на границе леса, спокойно и беспощадно укладывал пулю за пулей по людям, как по картонным мишеням.

Мотоцикл взревел и тут же захлебнулся. Перелетела через руль горбатая фигура водителя.

И тут, как взбесившиеся часы, как механизм, отмеряющий каждым движением чью-то смерть, загрохотал пулемет!

Коротко свистнуло мимо уха. Ивану показалось, что он ощутил даже ветер от пронесшейся пули. Упал бежавший рядом боец.

Не зная, что делать, Лопухин продолжал нестись вперед, пока пули не начали вспарывать землю у самых его ног.

Иван рухнул на землю, обхватил голову ладонями. Потом перекатился на спину, прицелился в бронемашину, в едва видимую голову стрелка. Выстрел!

Мимо.

Выстрел!

И пуля, взвизгнув, ушла в небо.

Воспользовавшийся моментом мотоциклист исчез в пыли дороги.

И кто-то в белой рубахе бежит к броневика! Прыгает внутрь... Пулемет замолкает...

Девять убитых, восемь раненых. Пятеро освобожденных пленных. Двести с чем-то слов и девять жизней, которых уже никогда не вернуть...

Когда Иван забрался внутрь броневика, он увидел залитую кровью белую рубаху пленного и перекошенное лицо пулеметчика. И еще бледные руки, мертвой хваткой вцепившиеся в горло немцу. Наверное, это страшно, когда тебя душит уже мертвый человек.

С мертвецом невозможно договориться, его нельзя остановить. Его нельзя даже убить.

– Приготовиться!

Иван выпрыгнул из броневика и увидел, как двое бойцов переодеваются в немецкую форму. Остальные спешно растаскивали оружие и бежали к дороге.

– Что там?

– Танки... – выдохнул какой-то боец. – Танки...

Из грузовика выволокли два ящика с гранатами.

– В укрытие! – орал майор Верховцев. – Живее! Живее, ребята!

Поняв, что добежать до придорожной рощицы уже не успеет, Иван снова нырнул в броневик. Заметался в узком пространстве. Увидел только, как переодетые немцами красноармейцы волокут трупы фашистов на дорогу.

Сам даже не зная зачем, Иван стащил с убитого пулеметчика каску и китель, нацепил все это и выбрался к пулемету. Чужая, с мертвого тела, одежда неприятно касалась шеи.

Пулемет был большой, но вполне понятный. Каждая деталь на своем месте. Тут потянуть, тут придержать – и готово...

Иван развернулся в сторону приближающейся техники и поразился ощущению власти, которое испытывает, наверное, каждый взявший в руки тяжелую крупнокалиберную смерть.

По дороге шли два танка, четыре грузовика и легковушка.

Увидев солдат в немецкой форме, машущих руками, танки остановились. Легковая машина встала у обочины. Из первого грузовика выскочили трое и бодрой рысью побежали к «голосующим».

– Вот и все... – прошептал Иван, вылавливая в прицельную рамку легковой автомобиль. – Вот и все... Все...

Он слышал, как бьется сердце. Как кровь в висках отсчитывает секунды. Колени гадко завибрировали, слюна во рту сделалась тягучей... Еще шаг, еще!

С невероятной ясностью, будто в медленном кино, Иван увидел, как отделилась от кустов маленькая черная точка. Как блеснула на солнце металлическим брюшком, приближаясь по широкой дуге к броне танка.

Лопухин зажмурился, набрал в грудь побольше воздуха и заорал:

– А-а-а-а-а!!!

Указательный палец утопил спусковой крючок!

Пулемет подпрыгнул и затрясся, как больной, выплевывая и выплевывая свинец!

В сторону полетели раскаленные гильзы!

Иван уже не видел, как летят гранаты, как в упор расстреливаются грузовики, как горят танки. Лопухин слышал только себя, свое надсадное:

– А-а-а-а-а!!!

И давил на курок до тех пор, пока пулемет не заклинило к чертовой матери...

Когда механизм замолк, Иван кинулся наружу, на ходу стаскивая с себя шлем и китель. Подхватив лежавший на земле автомат, он дернул затвор и кинулся к дороге. Там, где катались в пыли сцепившиеся люди. Но не успел. Рукопашная схватка была короткой. На дороге остались лишь трупы в немецкой форме и горящая техника.

Уходили спешно. Буквально бегом, на плечах волоча трофейное оружие. Впереди тяжело топали бойцы с ящиками гранат. Следом за ними несли два целых пулемета. Сам Болдин обвешался «шмайсерами» и едва двигался. На Лопухина навесили несколько неподъемных полевых аптечек.

Тяжело было всем.

Но что-то изменилось в людях. Что-то особое проявилось в лицах, чувствовалось в каждом движении, в шагах.

Будто бы свободней стало дышать...

25

Весь день Болдин сидел над документами, взятыми в расстрелянной Лопухиным легко-вушке. Там были карты, какие-то предписания и даже дневник немца, погибшего в этом бою. Карты генерал расстелил на траве, собрав всех офицеров.

– Диспозиция такова... – Он очертил карандашом кружок. – Мы находимся тут и, как видите, уже в тылу немецкой армии.

– Не могли они так далеко пройти! – Старший лейтенант вскинулся было, но притих. – Виноват, товарищ генерал.

– Не могли, – Болдин кивнул. – Но прошли, как видите. Не доверять этой карте у меня оснований нет. Заподозрить немцев в такой масштабной дезинформации мы, конечно, должны. Но надеяться на то, что по дорогам разъезжают офицеры с фальшивыми картами, мы не можем никак. Так что давайте примем за данность то, что немцам понадобится совсем немного времени, чтобы дойти до Минска. И если я правильно все понимаю, это будет одно из основных направлений, по которым будет развиваться наступление. Отсюда открывается Смоленск... И далее Москва.

Он посмотрел на собравшихся, словно ожидая, что те скажут что-то. Но все молчали.

– Все это означает, что германская армия сильна. Гораздо сильнее, чем мы ожидали. Однако это совсем не означает, что она непобедима. Хочу вам напомнить, что французы в Москву даже вошли. И им это не помогло. – Он улыбнулся, внимательно вглядываясь в лица офицеров. – Так что наша с вами задача остается неизменной. Бить врага всеми доступными нам способами.

Окружавшие его люди заметно расправили плечи, будто пелена, окутавшая их в момент, когда они увидели карты вермахта, спала.

– А теперь, товарищи, – вздохнул Болдин, – о делах не таких веселых... Судя по документам, мы зашибли не такую уж и малую птичку. Это, безусловно, радует, но мы должны понимать, что реакция со стороны немцев последует однозначная. Эти леса будут прочесаны вдоль и поперек. Нас будут искать. Остаться в лагере невозможно. Если бы не раненые, мы бы сюда даже не вернулись. Таким образом, встает вопрос: каково положение с ранеными?

– У троих легких удалось сбить горячку. Тяжелые... – Капитан Егоров покачал головой. – Тяжелые очень плохи. Даже трогать боюсь. Один так вообще в сознание не приходит. Да... Умрет он. Ясно уже.

Капитан Егоров был одним из тех, кто едва-едва разбирался в медицине, и заведовал отрядным лазаретом. Знания свои он получил давным-давно, в финскую, будучи ходячим раненым, в госпитале помогал санитаркам.

– И тем не менее придется нести. Сколько тяжелых?

– Семеро. Легкие сами пойдут, медленно, конечно, но все-таки... А для тяжелых надо носилки делать.

– Делайте. Отряжайте солдат на эти работы. Очень важно, чтобы каждый понимал, что если он будет ранен, то не будет брошен и забыт. – Болдин тыльной стороной ладони потер щеки, покрытые многодневной щетиной. – В каждом лагере надо четко организовать санитарную службу. Только холеры с тифом нам не хватает. Обязательно – мыться, бриться. Воду кипятить! Корешки всякие не жрать! А то были случаи. Следить за этим будет товарищ Лопухин. И подчиняться ему, товарищи, в этой области будут все, даже я. А то зарос, как обезьяна в зоосаде. Справитесь, Иван Николаевич?

– Д-да... – неуверенно протянул Иван. – Только...

– Что только?

– Никогда не...

– Это не сложно. Разработаете порядок. В вашу обязанность входит нахождение источников воды. Распределение гигиенических средств – если, конечно, такие будут. Станете определять места для отправления естественных, так сказать, нужд. А то гадят где попало, ступить некуда... Разработаете график и станете следить за внешним видом. Политрук вы или нет?

– Политрук... Конечно...

– Вот и займетесь как внешним видом наших бойцов, так и их моральным состоянием. А то солдат не солдат, если его блохи жрут! Мысли от этого ненужные появляются.

– Так точно.

– Еще один пункт: всем офицерам, особенно младшему составу, хотя в наших условиях разницы нет, внимательно следить за духом красноармейцев. Любые пораженческие разговоры пресекать на корню. Действовать убеждением. Приводить примеры из истории. Из гражданской войны, революции! Цитировать товарища Сталина! Постоянно напоминать солдатам о том, что они не убегают от врага, а совершают рейд внутри его позиций, в его тылу. Что там, впереди, их ждут товарищи, которым важна наша помощь. Что каждый меткий выстрел, каждая точно брошенная граната приближают нашу победу. Об этом говорить все время! На привалах, перед боями, все время. Это важно. Не бойтесь лишний раз повторить уже заученное. В этом заключается ваша отдельная война с противником. Потому что враг будет сеять панику среди наших солдат. Как помните, на передовую сбрасывались листовки. Сначала листовки, потом бомбы. И знайте: дезертиров буду расстреливать лично. Мы на фронте! Что не ясно?

– Все ясно, товарищ генерал!

– Вот и прекрасно. А сейчас готовьтесь, товарищи, собираемся и уходим. Двигаться будем на Смоленск. Спасибо картам господина, – Болдин прищурился и прочитал надпись на планшетке, – фон Лилленштайна. Так-то!

Собирались в спешке. Костры залили и засыпали землей. Где смогли, прикрыли дерном и мхом. Шалаши разобрали и раскидали по окрестным буреломам. Тяжелых раненых погрузили на носилки, вперед привычно выдвинулись пограничники и Юра-тунгус, пользовавшийся у зеленых петличек особым авторитетом за умение бесшумно ходить по лесу.

Иван и Колобков пристроились к раненым, помогали тащить носилки.

– Рота-а! Ша-а-гом марш!

«Вот оно что, – подумал Лопухин, подлаживая шаг под соседа, чтобы парня с забинтованной головой не так мотало. – Вот оно что изменилось... Ведь сначала мы не пойми что были. Отряд. А что такое отряд? Банда? Группа людей? Пионерский отряд, строительный отряд... Так, сообщество с определенной структурой. А теперь мы – рота. Сводная. С бору по сосенке, но уже рота. Мы на войне. Теперь».

«А до этого где же были? – поинтересовался кто-то в голове у Ивана. – Разве не на войне?»

«Нет. До этого мы бежали, спасались. А уж мы с Колобком так вообще приключений искали, стыдно сказать. Повоевать хотелось... А теперь все. Кончились игры. Теперь мы воюем. Вот оно что главное, оказывается. Этот перелом, когда необстрелянный солдатик становится настоящей боевой единицей. Каждое действие которой несет страх неприятелю... Надо обязательно об этом написать. Надо обязательно написать... Когда вернусь, опубликуют точно!»

Он завертел головой, стараясь найти Колобкова, и увидел, как тот стоит в стороне и шелкает «ФЭДом», стараясь заснять всех и каждого.

Иван заулыбался в объектив что было сил. И этот снимок потом долго еще висел, постепенно желтея, на стене его спальни. Сначала там, потом около часов, затем около плаката с Брюсом Ли, о котором Иван Лопухин, прадед, не имел ни малейшего понятия тогда, в сорок первом. И когда плакат с «Маленьким Тигром» сменился здоровенным флагом России, эта

фотокарточка все еще висела на стене. Как основа, как некая ось, вокруг которой вертелась жизнь всей семьи...

26

– А ведь я его видел. – Юра-тунгус сидел у костра и шурился на дым самокрутки.

– Кого? – спросил Иван.

Он только что умылся, постирался и теперь подошел к костру греться.

Рота встала на ночлег у небольшой речки, одного из многочисленных притоков Шары. Лопухин воспользовался этим, чтобы прогнать всех солдат через помывку. Особенно стараться не пришлось, потому что красноармейцы, утомившиеся от тяжелого запаха, небритой щетины и грязной одежды, сами полезли в воду. Немногочисленные куски мыла передавались друг другу с осторожностью, не дай бог, в воду упадет! Особенной популярностью пользовался боец со странной фамилией Лыпытайло, который умел править бритвы о сапожное голенище, да так лихо, что, казалось, щетина сама сходит с лица. Солдаты мылись с удовольствием, ухали, обливаясь водой, фыркали. Постиранное белье было развешено между деревьев и мешало ходить.

Болдин мылся вместе со всеми, а когда попросил Лыпытайло подправить и его, генеральскую, бритву, авторитет последнего взлетел до верхушек деревьев.

– Офицера, – ответил Юра.

– Какого? – Лопухин протянул к огню руки. Вода, несмотря на жаркое лето, была удивительно холодной. – Ключи, что ли, бьют?

– За поворотом, – непонятно сказал тунгус.

– Что?

– За поворотом ручьи.

– Откуда знаешь?

– Знаю, – Юра пожал плечами. – Ходил туда.

Лопухин улыбнулся. Большая часть Юриных умений, которыми он так удивлял окружающих, сводилась к банальному: «Сходил. Видел. Умею». Он даже учил бойцов, как ставить ногу, чтобы сучки и веточки под стопой не хрустели. «Умею...»

– А офицера видел.

– Да какого офицера-то?!

– Немецкого, – тунгус вздохнул. – Что в машине.

– Ах, этого? – Иван постарался вспомнить фамилию убитого. – Лилен... Штейн... Черт лысый. Не помню.

– Может, и черт. Но видел. Странно.

– Что ж странного? Хотя... Где видел-то?

Юра поднял руки, будто держал винтовку. Прищурился и поглядел в несуществующий прицел.

– Вот так видел.

– Да ладно...

– И странно.

– Что?

– Что промазал. Я в голову стрелял.

– Да ладно! Перепутал, поди. С такого-то расстояния разглядеть... Не, точно перепутал.

Тунгус промолчал. Только затянулся посильнее самокруткой и нахохлился, как птица на ветке.

– А что же, это у тебя память такая хорошая? – вдруг спросил молчавший до того Колобков.

– Хорошая, – кивнул Юра. – Хорошая.

– А давай проверим?

– Давай.

– Вот, – Колобков покрутил головой. – Вот! Смотри! Вон у Ваньки карандаши и блокнот лежат, видишь?

– Вижу.

– Теперь отвернись.

Тунгус молча отвернулся, спокойный и невозмутимый.

Дима быстро поменял пару карандашей местами, спрятал ластик и чуть выдвинул листок бумаги из папки.

– Поворачивайся. Смотри. Что изменилось?

Тунгус подсел ближе. Показал пальцем на карандаши.

– Эти поменял.

– Так... – согласился Колобков.

– И еще бумажку вытянул...

Димка только крякнул от досады. Ключок бумаги он полагал самым сложным маневром.

– Шишку сдвинул.

– Какую шишку?! – Дима от удивления даже привстал. – Не было шишки! Вот тут-то и ошибся!

Он заулыбался, поймав тунгуса на промахе.

– Не ошибся. Вот тут лежала, – Юра наклонился к земле. – Даже впадинка есть. Давно лежала.

Колобков проверил. След от шишки был явственно виден.

– Н-ну... Может быть... Не нарочно.

– Мне все равно, нарочно или нет. Сдвинул.

– Ну, хорошо-хорошо. Сдвинул! Пусть сдвинул! Все?

Юра искоса глянул на Колобкова.

– Резинку верни.

Дима только сплюнул в сердцах и положил ластик обратно.

– Память хорошая. – Тунгус вернулся на свое место у костра. – Все что вижу, помню.

В приближающихся сумерках самого Юру видно уже не было. Только красный огонек от его «козьеи ноги».

– А я вот однажды на вырубках с медведем встретился, – неожиданно сказал Колобков. – Так бежал, что только пятки сверкали.

– Летом? – спросил Юра.

– Ага. В августе. А как ты догадался?

– Если бы не летом, то не убежал бы.

– Почему?

– Еды много. За едой бегать не надо. Лето. А так бы догнал.

– Да ладно... Он здоровый же, неповоротливый!

Тунгус усмехнулся.

– Медведь лошадь догоняет.

– Ну, это ты заливаешь! Чтобы такая туша и так бегала, не поверю.

– Догоняет лошадь, – Юра закивал. – Сильный зверь. Большой. Охотники, когда идут его стрелять, долго ходят. Лагерь делают. Шкуру солят. Голову варят.

– Чтобы есть? – спросил Иван.

– Нет. Медведя есть... Не стоит. Но шкура хорошая. А череп на стену красиво повесить. А если для еды, то очень уметь надо готовить. Очень хорошо надо уметь.

– А ты на медведя ходил?

Тунгус разочарованно прищелкнул языком.

– Нет. Не было.

– Чего же?

– Уехал. В Москву жить. На медведя не ходил. Да и нельзя просто так на медведя.

– Почему? Примета дурная, что ли? – усмехнулся Колобков.

Костер на мгновение осветил лицо тунгуса, и Лопухин увидел, что тот улыбается.

– Дурная, дурная. Охота на медведя запрещена. – Он сделал паузу. – Однако, закон не позволяет.

Иван захохотал, поняв, что хитрый тунгус намеренно запутал Колобкова.

– А я вот тоже на вырубках был. В Карелии. Так меня деревом шибануло! – отсмеявшись, сказал Иван.

– Вот ладно заливать! – Колобков махнул рукой. – То-то я не знаю, чего может быть, если деревом шарахнет. Всмятку! – И он звонко хлопнул ладонями. – Ну, или сучками так нашпигует, что потом только куски и снимешь...

– А вот повезло мне! В землю вбило. Там болото, так в мох и ушел! А сучком в медальон вдарило. Местные сказали, что, дескать, судьба. Удача, один на миллион.

– Какой такой медальон?

Иван подкинул хвороста в гаснущий костер и вытащил железную пластину из нагрудного кармана.

– Вот. К ней еще шкатулка была, так ее размолотило в осколки. А этому ничего не стало. Подарок...

От кого и при каких обстоятельствах достался Ивану этот подарок, распространяться он не стал. И верно, ни к чему.

Юра подался вперед, чтобы разглядеть предмет. Протянул даже руки, но потом убрал.

– Слышал про такие. Но не видел. Старики говорили. Крепкая сталь.

– Может, в институт металлургии отдать? – предложил Колобков. – Пусть разберутся. Может, польза какая будет стране. Хитрый секрет какой-нибудь.

– Вот еще... – Иван спрятал руну обратно в карман. – Подарок.

– Да ладно! Я ж для практической пользы предлагаю. Будет эта штука у тебя болтаться, потеряешь еще...

– Нет уж. Такие вещи не теряются. Она мне, может быть, жизнь спасла!

Колобков хмыкнул, но ничего не сказал. Спасла так спасла, чего тут спорить. Тем более что людей, придавленных деревьями, он видел сам. Довелось.

– Иван Николаевич, можно вас на минутку... – Болдин возник из темноты неожиданно.

27

– Я случайно услышал ваш разговор... – Болдин и Лопухин шли между костров. – Я правильно понял, что вы получили медальон в Карелии? Уже после Финской кампании?

– Да, именно так.

– А, простите за нескромный вопрос, как это произошло?

– Ну...

– Если не хотите, можете не рассказывать. Это не имеет отношения к боевым действиям. Так что мы с вами беседуем как два человека. Так сказать, гражданских. В ответ на вашу историю обещаю рассказать другую, может быть, она покажется вам интересной.

– Мне этот предмет подарил один человек. Старик.

– Старик?

– Да. Так получилось, что...

– Извините, что перебиваю, а при каких обстоятельствах вы познакомились?

– Дело в том... – Иван замялся. Рассказывать о раскулачке направо и налево было не с руки. Да еще кончилось все так... страшно. – Дело в том, что... я ездил по заданию редакции. В колхоз. Один из новых на территории Карельской Республики... И там был... Хуторянин. Старик. Вышла какая-то незадача с кражей... У него делали обыск. Я присутствовал на хуторе. И он... Я не знаю, почему, но пригласил меня пройтись.

– И вы пошли?

– Да... Мне показалось, что он не виноват. Слишком такой... добродушный дед.

– И он оказался не виноват?

– Трудно сказать, – Лопухин решил чуть-чуть с лукавить. – Следствия не было. Старик умер.

Болдин прокашлялся.

– Понимаю. А медальон?

– Он подарил мне его. Буквально перед смертью.

– А почему вам?

Иван пожал плечами.

– Не имею понятия. Может быть, новый человек... Не знаю. А потом мне эта штука жизнь спасла.

– Это я слышал. А еще какие-то странности, необычное состояние... можете припомнить?

– Н-нет. Ничего такого.

– Вы атеист?

– Да, конечно.

– Ну да... Конечно... – Болдин словно бы ушел куда-то, погрузился в себя. – И никогда ничего такого, странного в вашей жизни не случилось?

– Никогда.

– Удивительно. А вы знаете, что ничего случайного в жизни не бывает?

– Вы серьезно? – Иван улыбнулся.

– Совершенно. Все эти детали, эпизоды жизни, которые кажутся нам случайными, на самом деле только часть большого, значительного замысла. И события эти обязательно, рано или поздно, будут иметь последствия, которые иногда трудно предугадать.

– Вы... – Иван помедлил. – Верите в бога?

Болдин хмыкнул и не ответил.

Некоторое время они шли молча, потом генерал сказал:

– Знаете, а я слышал о таких штуках. Увлекался, знаете, мифологией народов Севера. И еще я слышал, что была целая экспедиция, еще в финскую, которая искала эти предметы.

– И нашли?

– Не знаю... – Болдин развел руками. – Не знаю. И никто не знает. Вернулся из той экспедиции один только человек. Полумертвый, изголодавшийся. Но живой. А экспедиций было несколько. Но война... вы понимаете.

– Это были научные сотрудники?

– Вроде того. Время для экспедиции было выбрано не самое удачное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.